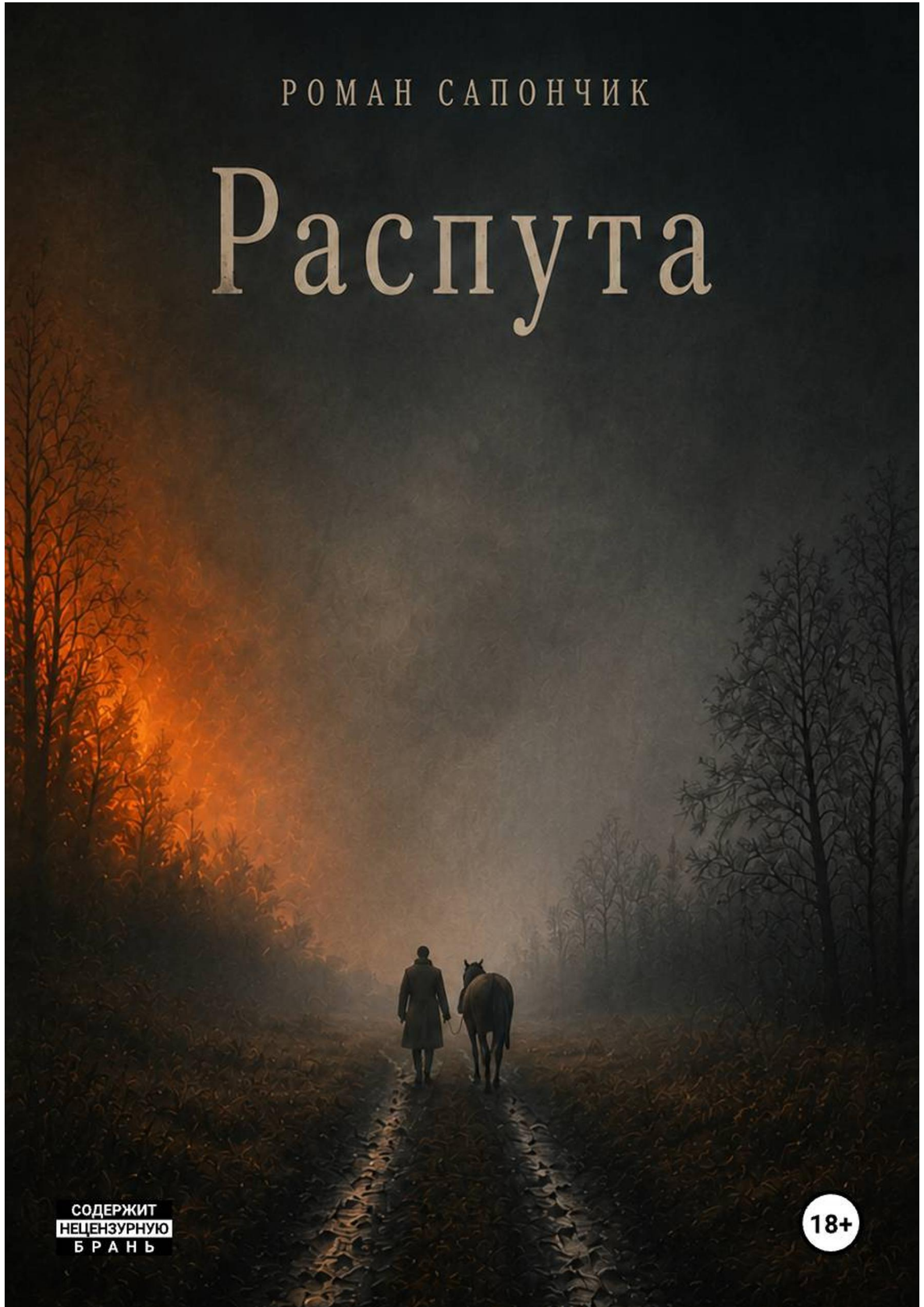

РОМАН САПОНЧИК

Распутя

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Роман Сапончик

Распутя

«Автор»

2026

Сапончик Р.

Распутя / Р. Сапончик — «Автор», 2026

«Случалось ли у вас ощущение, что вы живёте в черновике? Что когда-нибудь вы всё исправите?» Распутя возит грузы через Зыбь, туманную пустошь, где пропадают целые караваны, и носит с собой ларец с авторучкой, которая пишет его мысли. По вечерам он читает написанное и всё реже узнаёт себя. А во сне к нему подступает оранжевое зарево, от которого нельзя ни спрятаться, ни проснуться. Роман о дороге, с которой однажды придётся свернуть.

© Сапончик Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Каменный Брод	19
Глава 2. Город	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Распутя

Пролог

По левую сторону дороги был лес. По правую, правда, тоже. Узкий ручеёк тракта предательски петлял, никогда не оставляя для обзора больше пятидесяти метров. Чалу немного нервничала, но в таких узких местах она нервничала всегда.

— Ну-ну. Тише, Чалушка, тише.

Я сел выше, подогнув стопы под себя и чуть подавшись вперёд, нежно похлопал лошадь по крупу. Чалу пару раз дёрнула ушами и пошла мягче. Прислушавшись, я уловил плавный глубокий выдох — это означало, что реальной опасности она не чувствовала, а просто была настороже.

Лошадь — это не только движущая сила повозки, но и полноценный попутчик, тем более такая особенная, как Чалушка. В таких местах ей не было цены. Попутчики-люди у меня бывали, и не раз — иногда от таких перевозок не отказаться. Но все они, как на подбор, были либо суетливо-разговорчивыми, не обладавшими полезным для каждого навыком: просто посидеть в тишине; либо исчезающе-невидимыми, хранящими у себя на уме бог знает что. И неизвестно, какой тип попутчиков был хуже. Зыбь и дорога не прощают ошибок.

Поэтому я давно решил, что одному путешествовать значительно лучше, благо заказ на перевозку вещей неодушевлённых был почти всегда.

Дорога впереди сделала глубокий загиб влево, Чалу брезгливо поднимала ноги, стараясь не задевать павших веток, мокрых, безжизненных, частично уже подавленных колёсами телег и копытами менее осторожных лошадей.

Не прошло и минуты, как два последовательных события меня встревожили: сначала туман вокруг стал медленно густеть, а затем на спине моей лошади едва заметно приподнялась тёмная шерсть, от её тела, казалось, теперь исходило мёрзлое оцепенение.

Но она продолжала идти вперёд, не выдавая нас ни звуком, ни поспешной настороженностью. Я её этому не учил, она это умела всегда — единственно верное решение при возможной опасности.

Впереди точно был кто-то. Я деланно-небрежным движением руки проверил оба заряженных пистолета. Среди голых, тонких ветвей никого не было видно, спрятаться за ними было делом нетривиальным.

Поворот казался бесконечным. Я успел было подумать, что, если кто и был рядом, то он решил не показываться. Но я ошибся.

— Сколько лет, сколько зим, Распутя!

Я сощурился, чтобы получше рассмотреть приближающийся среди деревьев силуэт, правой рукой нащупывая рукоятку одного из пистолетов. Но я быстро разжал пальцы. Это правда был он.

— Епифан, ты, что ли?

— А кто ж ещё. Не узнал? — Его демоническая фигура неимоверно быстрым движением преодолела финальный участок и оказалась в полуметре от меня. Выстрелить я бы точно не успел.

— Давно тебя не видел, — стараясь держаться буднично и расслабленно, сказал я.

— Ну а я — тебя. Что везёшь? — На вечно улыбающемся во все тридцать два клыка лице Епифана проступила улыбка ещё больших, почти чудовищных размеров. Несмотря на давнее знакомство, холодок по спине всё-таки пробежал. Чалу же отвернулась и старалась на него не смотреть, её большие красивые лошадиные глаза выдавали испуг и недоверие. Я спрыгнул,

провёл рукой по её спине. Собеседник внимательно наблюдал за моими манипуляциями. Я оставил ладонь на вздымающемся, пышущем жаром боку.

— Ты же знаешь, груз — это святое. Если ты меня грабить собрался, как раньше, так я лучше деньгами отдам, или вон пистолет забирай.

Епифан, как сумел, соорудил обиженное лицо:

— Какой ты занудный, Распутя. Ты же знаешь, я с тебя и гроша не возьму. Любопытство удовлетворить нельзя?

Дыхание Чалу выровнялось, и я, ободряюще похлопав её по крупу, вернулся к повозке и спросил:

— Лучше скажи, куда пропал? Даже на излюбленных тобою дорогах не видел тебя столет.

— Ты же знаешь, что для моего рода деятельности нужно быть то тут, то там. Хорошие истории себя сами не соберут, как и хорошие книги, — развёл своими когтистыми лапами, напоминающими руки, или скорее руками, напоминающими когтистые лапы, Епифан и улыбнулся ещё шире. Казалось, его рот трансформировался в большую осколочную гранату, и если улыбка растянется ещё немного — то лопнет и осыпет всё вокруг острыми клыками-осколками.

Представив такую картину, я невольно поморщился.

— Ну и как нынче на просторах дорог с историями и вообще с литературой? — спросил я, не столько из интереса, сколько из желания избавить себя от нахлынувшего наваждения.

— Да всё как обычно, ничего не меняется веками. Сюжет — это как маленькая жизнь: сразу дать исчерпывающий ответ — скучно.

Епифан провёл ногтем по борту телеги, оставив заметный след на пропитанной влагой доске.

— Поэтому сочинителю истории не требуется, в сущности, ничего изобретать, а нужно учиться у лучших — у самой жизни: вози читателя мордой по буеракам и проблемам, дробь диалоги, создавай даже не тайну, а едва заметные намёки на неё, а в конце вручи справедливо выстраданный катарсис.

— И самое главное, — добавил он, подняв коготь. — Как известно, если долго смотреть на реку, то однажды увидишь, как мимо проплывают трупы твоих врагов. Но лучший исход — увидеть, как проплывает твой собственный.

Я усмехнулся, Епифан всегда любил присказки и афоризмы. Я вдруг вспомнил, за что полюбил встречи с ним.

— И что, все будут довольны, катарсисами?

— Да, что с нас взять... Обезьяны. — Улыбка, почти сошедшая было с его лица, вернулась на своё законное место. Чалу неопределённо фыркнула.

А я переспросил:

— Нас?

— Ну я же тоже порождение человеческой культуры, — сказал он, прищутив глаза с деланным оскорблением. — И увлекаюсь вашей, то есть нашей, историей. Думаю, у высших существ — вселенских сгущений кратно более высокого интеллектуального уровня — литература была бы совершенно другой, если бы вообще была. А наша воспринималась бы не как произведение искусства, а как гипнотизирующая игрушка для странных безволосых обезьян.

Туман вокруг уплотнился, сжался. Я провёл рукой по бороде, ладонь стала влажной, как от росы.

— Мда... Порекомендовали мне тут одну... Красивый, переливающийся, словно стеклянные бусы на солнце, язык. Одна беда — никак не могу уловить смысл.

— А смысл, дорогой мой, каждый в историях улавливает сам, по мере своей испорченности, потому и «гипнотизирующая».

Мы забрались на телегу и уселись на неё, свесив ноги. Елифан тут же принялся болтать ими, словно ребёнок, с поправкой на то, что вид его так называемых «ног», скорее напоминающих когтистое нечто, мог отправить в обморок любую набожную домохозяйку. Я спросил:

— Ну а какая бы была игрушка у, как ты выразился, «сгущений более высокого порядка»?

— Можно пофантазировать. Одно могу сказать точно. У Бога такая история — весь наш мир. Это его ответ на идею создать ультимативный сюжет на все времена, — ответил он, продолжая болтать «ногами».

Подул лёгкий ветер и туман расступился, облако потянуло дальше вдоль леса, дышать стало легче.

— Да уж, и у неё самый широкий круг читателей, или... персонажей? Волей-неволей приходится участвовать. А есть у тебя что из новых «игрушек»?

— Обижаешь... — протянул Елифан. И тут же хитро покосился на меня. Даже ногами перестал болтать. — Есть кое-что поинтереснее! Помнится мне, рассказывал ты об одной своей беде...

— Ты мне хочешь дать почитать что-то на эту тему? Бесполезно... Что я только не пробовал.

— Лучше, — почти сияя своей жуткой улыбкой, произнёс Елифан. — Авторучка!

— Авторучка?

— Авторучка! — не убавив в интонации, снова восторженно сказал он.

— Самопишущее перо? — спросил я обескураженно. — Зачем мне оно? Ты думаешь, я для тебя путевые заметки буду писать? И как это поможет с моей эм... особенностью?

— Эх, какой ты приземлённый, Распутя. Ты же разговариваешь со мной, а не с сельским кабатчиком.

— Ну так и разъясни, — сказал я, нахмурившись.

— Ты говорил, что во время этих твоих «особенностей» у тебя в голове много разных мучительных мыслей, которые ты потом толком и вспомнить не можешь?

— Да, — ответил я. На краю зрения надвигалось что-то ядовито-оранжевое. Я поморгал и морок прошёл.

— Эта Авторучка — не просто модное изобретение — это метафизический, можно сказать, предмет. Тебе бы спасибо сказать, а не хмуриться. Она будет записывать всё, что с тобой происходит, и даже... все твои мысли! Строго говоря — уже записывает. — Елифан хитро подмигнул.

Я всё-таки снова нахмурился.

— Хм... ты полагаешь, она поможет мне понять, что происходит в то самое... время?

— А как же.

— Возможно, стоит попробовать...

— То есть ты согласен принять подарок?

Елифан сощурил один глаз, ритмично постучал когтями по доскам.

Я заметил, что по какой-то причине во мне поднимается раздражение. И тут же понял, по какой.

— Это опять что-то из твоих философских проделок, на которые человек должен согласиться сам?

— Ну а как? Как, спрашивается, я — добрый, не желающий никому причинять теперь (он выделил это слово) вреда, должен действовать, скажи мне? Без согласия? Времена такие, что с консенсусом нынче не шутят. Если тебе не надо, так и скажи. Тут же всё, что успело зафиксироваться, — сотрётся, — сказал Елифан с резко повысившимся градусом обиженного тона в голосе. Он развёл руки в стороны, как бы показывая свою безоружность и мирные намерения. Но такой простой человеческий жест в его исполнении вызывал больше подозрения, чем успокоения. Чалу снова фыркнула и перемялась с ноги на ногу.

Я выдохнул. Стоит признать, что действительно дурного от Епифана никогда не было. А даже если что-то и было — оно выводило впоследствии к лучшему.

— Эм... Ладно, извини, согласен я, согласен. Где этот твой... подарок?

Епифан открыл свою чёрную поясную сумку, та немедленно значительно увеличилась в размерах и, словно огромная морская медуза, расплзлась у него на коленях. Он принялся брэнчать содержимым, задевая своими острыми когтями огромное множество разнообразных предметов, судя по характерным звукам, от стальных и каменных до деревянных и стеклянных. Наконец он достал небольшой, ничем не примечательный деревянный сундучок. Такой мог стоять в любой крестьянской избе и содержать в себе что угодно, от серебряного кольца, доставшегося от прабабки, и свеженьких, ещё не обесценившихся ассигнаций, до приборов и материалов для вязания и другого рукоделия. Но, судя по тому, как Епифан держал этот сундучок, было там явно не что-то из вышеперечисленного.

— Это ларец! — со значением, проявляющимся теперь не только в торжественном положении его тела, но и в голосе, сказал он. — Он держит Авторучку в суперпозиции.

— В чём? — стараясь не допустить в голос излишнего скепсиса, чтобы не обидеть собеседника, спросил я. Но, судя по его уловшему меня взгляду, я всё-таки слегка, что называется, «дал петуха».

— Это когда не знаешь, пишет Авторучка или нет. Ей так комфортнее работать. Но тот, от лица кого она пишет, может что-то чувствовать, — торжественно проговорил он и добавил: — Чувствуешь что-нибудь?

Я честно постарался прислушаться к гулким просторам своего внутреннего мира, но через несколько секунд просто пожал плечами.

— Ну это не сразу, — примирительно и даже ласково сказал Епифан и погладил сундучок. — Сейчас я его открою. Но ты при других никогда его не открывай. И никому ни в коем случае о ручке не рассказывай.

Я со значением, подходящим ситуации, кивнул.

Подцепив край ларца когтями, он его открыл. Внутри была элегантная красная книжица, с причудливо бегающим по её страницам золотистым, изящным самописным пером, отбрасывающим играющие солнечные лучи. Епифан не без любопытства заглянул в недавно написанное и пробормотал:

— И чего это обиженного тона... Ничего не обиженного, я вообще не умею обижаться!

Епифан ловко отсоединил от книжицы уже исписанные листы, оставив ручку бегать по свежей, почти пустой странице. С гордостью он прокомментировал:

— Сейчас тоненькая, листы потом сами добавляются.

Я принялся с любопытством читать, Епифан заглядывал через плечо. Дочитав, я сказал:

— Мда... Чудеса. И про Чалу написала, и даже про ветки под колёсами. Всё в точности, даже мои мысли. Только что это за постоянные «эм...» и «хм...»? Разве я так разговариваю? И себя приукрасила: обычная жёлтая ру...

*

Дорога петляла, её колеи расширялись, расслаивались и вновь вливались сами в себя, давая намёки, соблазны и обещания, что на горизонте уже вот-вот появится что-то ещё. Я думал о подарке Епифана.

Было интересно, что некоторые записанные мысли я даже не осознавал. Но когда прочёл о них, то сразу стало ясно, что они действительно были, и были мои. Как будто кто-то из края сознания вдруг вывел их в эпицентр. Епифан был прав... с моей, кхм, проблемой это действительно могло помочь. Если я не находил решения в прочитанном, то, возможно, найду в... записанном?

Чалу мотнула головой, отгоняя что-то невидимое, и я машинально перехватил повод покрепче.

Интересно, как там ручка... Уже пишет? После моих слов, возможно, не самых тактичных, она упала на бумагу и больше не подавала признаков волшебной жизни. Епифан обещал, что рано или поздно начнёт снова, особенно если её вернуть в эту самую «суперпозицию». Как он там сказал? Записывать — её природа, и надолго её отказа не хватит.

Первый раз вижу такой ранимый волшебный предмет. Хотя много ли я их видел... Если, конечно, не считать перевозок. Но там они запакованы и деактивированы, это не считается.

Я глянул на сундучок, в который Епифан вернул свой подарок. Он лежал в телеге позади меня, накрытый рогожей, и ничем не отличался от обычной поклажи. Когда я спросил его про эту «позицию», он ответил что-то вроде: это когда она может писать, а может не писать. Полностью это объяснение я не понял. Там было ещё что-то про сохранение принципа неопределённости. Он разрешил два раза в день доставать записи и читать их. Будет интересно. Ну а ларец... присыплю-ка его ещё сеном, чтобы позиция, или что там, была ещё удобнее.

На горизонте появились первые сельские дома. А ещё через какое-то время я достиг границы распространения первых звуков близлежащей цивилизации: плотницкого топора. Кто-то ставил или обновлял себе избу — так топор звучит только по крупному, основательному и свежему бревну. Зыбь отступала.

Дорога тоже изменилась, хаотизировалась, расширилась, укрепила капиллярный рисунок, окончательно отточив центральную колею, но то и дело пуская в стороны второстепенные колейки и тропки. Какие-то из них уходили в поля и дальше, какие-то в лес, а какие-то к близлежащей, не видимой ещё речке. Чалу пошла бодрее — твёрдая, накатанная земля была ей приятнее раскисшей лесной тропы.

Интересно, как описывает это всё мой новый волшебный попутчик из сундука... Один эффект от этого нового сотрудничества уже был очевиден: сами мысли будто стали ярче. Может, это имел в виду Епифан, когда говорил, что я потом почувствую? Она уже снова пишет? Или это не волшебная Авторучка вырисовывала мысли более чёткими контурами, а может, я сам стал чутче к ним... приноживаться, понимая, что теперь пространство моего ума находится в некоем новом поле восприятия. Я точно теперь чувствовал больше ответственности за замечание обыденных мыслей любого порядка, будь то мелкие бытовые или глубоководные фоновые. Стало ещё интереснее, как отразит весь этот спектр размышлений и переживаний ручка.

От полей тянуло сырым ветром. Я поёжился, поплотнее запахнул ворот и снова ушёл в себя.

Ведь помимо словесных, структурированных и отчётливых мыслей были и те самые глубоководные, словно киты, переваливающиеся в океане ума с одного бока на другой. Но, если подумать, и их можно вычленишь, осветить и охарактеризовать словами, классифицировать, если это требуется, хоть они при этом и потеряют часть своего «мяса».

Сейчас попробую... Вот что это за мысль, например? Ага... Хм... Если начать очерчивать этого «кита» словами, то можно сказать, что это такая мысле-чувственная конструкция, и она про то, что место обитания людей, место их скопления несёт в себе не только чувство облегчения от окончания дикой дороги и всех её опасностей, но и напряжение от вынужденного неодинокства... Вроде описал, хотя там, конечно, есть намного больше оттенков, и она гораздо более объёмная, чем я сейчас набросал. Надо будет вернуться к этому «киту» потом, понаблюдать за переливами этих самых оттенков. Кстати, как я слышал, малороссы «китами» называют кошек. Забавно. Возможно, кошка даже более подходящий образ для пространства ума, и размеры сопоставимее.

Пока я занимался изучением новых сторон своей внутренней жизни, деревня, посредством прокрутки колёс телеги и мерного шага Чалушки, надвинулась на меня так, что я уже и вовсе оказался в ней.

Всё как всегда: люди смотрят, кто с любопытством, кто с враждебностью, кто с безразличием. Женщины и дети больше с любопытством. Избы... Дорога, покрытая корочкой подсохшего месива грязи.

Сейчас сдам груз, остановлюсь на ночь, максимум на две, и снова в путь.

Из кабака неслись пьяные разговоры, окрики, нестройная музыка. Впрочем, как и всегда. Я попрощался с Чалу до завтра, обхватил её крупную, живую и тёплую лошадиную голову, потрепал, отметил, что ладони как обычно наполняются теплом и мягким покалыванием. Она несколько раз ткнулась мордой мне в грудь, тихо сказав своё привычное «Пхррр». Напоследок мягко взъерошив гриву, я передал её мальчику-службе, предварительно забрав из телеги пистолеты, сундучок и увесистый тюк с грузом.

На крыльце навалившись на косяк, уже вглядывался в мои манипуляции кабатчик:

— Здравия, Распутя. Жаждались.

Он принял тюк, косым взглядом зацепив пистолеты и ларец.

— Не надо меня ждать, Васил, если всё в порядке, сам доберусь.

— Да в том-то и дело, что не всегда всё в порядке на дорогах, сам же знаешь.

Я промолчал. Разговаривать с оседлыми о дороге и её опасностях было плохой приметой, не то чтоб я в неё верил...

— Вот держи.

Непонятно откуда, словно по волшебству, Васил достал наполовину заполненный монетами кожаный мешочек размером со среднее яблоко.

— И что, вместе с кошельком отдаёшь?

— Ещё чего, ссыпешь себе в нумере да обратно возвращай, — усмехнулся кабатчик. — Материя нынче очень дорога, он кожаный.

— Зато духа хоть отбавляй, — сказал я, почувствовав из приоткрытой двери классический запах любого придорожного кабака.

— Ну чай тебе тут не Анкоридж, — издевательски сказал Васил. Он любил недовольных отправлять то в Лондон, то в Париж, то теперь в какой-то Анкоридж. — Главное, не на всеобщем обозрении, как в прошлый раз, ссыпай, сегодня такой день... ни одной драки. И только я народ успокоил насчёт процента... Вдруг опять считать начнут.

— Ну это не мои проблемы, с твоими процентами — раз. Да и пьян я был тогда — два.

Васил взглянул на меня со скептической усмешкой.

— Знал бы ты, как я тебе гонорар побольше выбиваю. Вот не будет меня, и копейки от этих бедняг не дождёшься.

— Дождусь. Кто-то другой станет процент собирать. Или ты думаешь, ты один такой умный? В каждой деревне так, и совсем не сговариваясь. Видимо, это одна из основополагающих человеческих черт — посредничество и стремление к тёплому месту.

— Эх, я и забыл, какой ты скверный человек, Распутя. С тобой сразу на душе становится как-то гаже, что ли... — сказал Васил, улыбаясь одной половиной лица, вторая оставалась почти неподвижной.

Я промолчал. Мы зашли в кабак, я сгрузил свои вещи в крохотную комнатку под лестницей, почти целиком состоявшую из узкой кровати. Пахло мышиным помётом и пролитым чем-то кислым, задерживаться в выделенных мне покоях я не стал. Взяв стакан медовухи, я сел за свободный стол. Тут же подошёл Ма, как говаривали в народе, тибетский то ли целитель, то ли духовный наставник. Лицо, впрочем, у него было конкретно славянское, а тибетский титул или сан (как там у них) он получил в длительном путешествии в те земли. По крайней мере, охотно рассказывал об этом всем желающим, к числу которых я себя не относил. Последние

годы тибетский целитель и духовный наставник Ма занимался тем, что ошивался в кабаке, за небольшую плату лечил мелкую хворь да помогал разродиться скоту. За последнее местные крестьяне, судя по всему, его и терпели.

— Как дорожка? — спросил Ма в своей излюбленной манере, чуть завышая естественный тон голоса, к которому добавлялась ещё и лёгкая похмельная хрипотца. Его лицо с редкой бородкой при этом слегка вытягивалось, и он правда отдалённо становился похож на восточного мудреца.

— Без происшествий. В этот раз.

— Ну а ваше... состояние?

Я невольно поморщился. В последний раз Ма и правда чем-то помог мне с моим состоянием, точнее (я был в этом почти уверен) просто примазался к его приближающемуся естественному окончанию. В любом случае я, как и всегда, ничего конкретного не помнил. Гораздо полезнее для меня была медитативная формула, которую Ма рассказал мне как-то по пьяни. Она не раз помогла мне в Зыби, поэтому я признавал его человеком дороги, хоть и с пометкой на полях: в Зыбь он не ходил уже очень давно.

— Больше не беспокоило, — ответил я, отхлебнув душистой, хоть и с кисловатым привкусом, медовухи. Благами, производимыми людьми, следовало наслаждаться, пока они были. Кто, как не житель Дороги, лучше знает, как тонок налёт цивилизации на пространстве дикости и хаоса.

— Хорошо, хорошо... — пробормотал собеседник. И его лицо внезапно засияло, словно он вспомнил что-то важное, в нём помимо восточного колорита появилась и так называемая печать интеллигентности. — А знаете, я давеча так хорошо пообщался с одним учёным мужем, его провозили через эту глушь ваши коллеги...

— Они мне не коллеги.

— Ну это уж ваши с ними дела, я в них не лезу. Так вот, он так много интересного рассказал о сфере своей деятельности. А его сфера, стоит признать, оказалась довольно близка к моей.

Он придвинулся, словно готовясь сообщить какую-то страшную тайну, и из его рта пахнуло многодневным, но вечно молодым перегаром, резко контрастирующим с проявившимися восточными чертами и мягкой, даже деликатной манерой говорить. Выждав скромную паузу и ещё сбавив тон, он спросил:

— Вы знаете, что такое нейроны, Распутя?

— Что-то слышал.

— Ох, надо же, я всегда отмечал, что вы очень начитанный и умный человек. Ну, для вашей профессии, — Ма ускоренно проговорил последнюю фразу. — А я от него впервые и услышал. Хотя, конечно, в моих науках есть своего рода аналог — энергетические меридианы. Так вот, этот учёный уверяет, что нейроны — это такие маленькие штучки, то, из чего состоит мозг и нервная ткань тех самых меридианов, и что у каждого из них есть тысячи, а то и десятки тысяч синапсов — дорожек, соединяющих один нейрон с другими.

Он придвинулся ещё ближе, почти навалившись:

— Но самое интересное... За многие годы исследований он заметил, что любые поселения и пути между ними по структуре напоминают эти самые нейроны. Любая деревня или город суть есть узелок дорог, обрабатывающий центр, а длинные дороги от него — это синапсы. Всё, конечно, в гораздо более скромных масштабах, скорее как модель. А ещё он заметил, что в разных местностях свой рисунок путей. Где-то поселения напоминают скопления узелков, а где-то распространены совсем равномерно...

— Знаете, Ма, мне кажется, я даже когда-то о чём-то подобном задумывался.

Целитель наконец почувствовал замаскированную непроходящим опьянением неловкость и отодвинулся, перестав прижиматься вплотную. И пристально в меня взгляделся.

— А в вас что-то изменилось, Распутя. Что-то едва уловимое в глазах.

Я почувствовал раздражение и тут же запил его медовухой. Сидеть с дышащим перегаром тибетским то ли целителем, то ли духовным наставником, а тем более что-то ему рассказывать, не особо хотелось.

— Ничего во мне не поменялось.

Выдержав ещё две секунды его недоверчивого взгляда, я наконец услышал:

— Ладно, как скажете. Если встретите этого учёного в дороге — передайте ему обязательно от меня привет. Уж больно мне понравился наш разговор.

Я кивнул.

И тут он, уже уходя, как бы невзначай спросил, придвинув взявшуюся непонятно откуда бумажку с наброском:

— Ой, чуть не забыл, вот такую вещицу ищу, если встретите — выкупите, пожалуйста, сколько бы ни стоила. Я отплачу, ну и за доставку понятно...

Я взгляделся в рисунок. Больше всего он напоминал грубый набросок детской игрушки — юлы.

Ма, вцепившись в рисунок взглядом, поспешил пояснить:

— Это такая штучка, размером с половину большого пальца, её крутят, скажем так, в ритуальных целях. Она чёрная, увесистая для своего размера, на гранях символы, для вас непонятные.

Я смял бумажку и положил в карман.

— Заказ принят. А что ж не через Василя? Вы же знаете, Ма, что Артель в связи с очевидным количественным преимуществом найдёт вам эту «штучку» гораздо быстрее.

— Знаю. Но у них есть как преимущества, так и недостатки. Васил свой процент тоже не упускает. Да и...

Он снова сбавил тон и наклонился.

— Говорят, у Артели в городе появилась своя, так сказать... фабрика. Чтобы по-быстрому «искать» заказы на необычные вещи и тут же получать деньги. — Он резко выбросил руку вперёд, опершись на край стола, чтобы восстановить равновесие, и, не сбиваясь, таким же ровным голосом договорил: — А мне нужна не выстроганная наспех непонятно из чего подделка, а оригинал. У вас в этом смысле безупречная репутация, и с Артелью вы не дружите.

Я кивнул, давая понять, что заказ и объяснения приняты. И глотнул ещё своего напитка, чуть отвернувшись. Ма, видимо так до конца и не утопивший в алкоголе определённую свою чуткость к собеседнику, кивнув, удалился куда-то вглубь обширного кабака.

По нарастающему оживлению в зале я понял, что следует допить напиток и идти в свою комнату. Обстановка всё более походила на бардак, в кабаке было, похоже, уже полдеревни, и люди всё прибывали. Кто-то из её жителей праздновал то ли юбилей, то ли свадьбу. Множество посетителей уже были пьяны значительно выше среднего.

От соседнего столика донёсся оживлённый разговор:

— Вот я когда бабу трахаю, то чувствую, будто она... как это... словно концентрация всего грязного, но странным образом привлекательного. И я как будто хочу наполнить эту её тьму и мрак своим внутренним светом. Хотя, если подумать, место, которым я её собираюсь наполнить, имеет ту же самую срамную природу, — сказал голос помоложе.

— А у меня наоборот. Баба — как бы квинтэссенция света, а я её своим срамом загрязняю, а смотришь — ей и нравится... это всех и притягательнее в этом грешном деле, — отвечал хриплый голос постарше.

— Поистине, неисповедимы пути Господни, — резонно заключил первый.

Со столика впереди злобно обернулся подвыпивший священник с непомерно большой, даже для его крупного туловища, бородой и, грозно сверкая белками глаз, принялся нащупывать говоривших:

— Мужичьё! Бабы бабами. Но давайте без богохульства!

Мда. Квинтэссенция, концентрация... И когда народ таких слов понахвататься успел? Впрочем, деревня была не из маленьких, гордая развивающаяся провинция, так сказать. Да и здесь сколько лет живёт Ма — вот у него поди и понабрались алхимических терминов.

Я одним глотком осушил кружку и вспомнил про ручку. А она ведь, возможно, и пишет уже, надо бы почитать. Интересно, как она записала этот момент... Надеюсь, не как «осушил кружку», это же такое клише. Я бы просто написал что-то вроде: допил медовуху, так чётко и лаконично. Ну да ладно, не я здесь писатель.

К столу подошла румяная, словно пирожок, девушка и, улыбнувшись, забрала опустевший сосуд. Я проводил её долгим взглядом, встал и пошёл в комнату. По пути запнулся о прильнувшего в коридоре всем телом к полу Ма. Странно, а только что выглядел не таким и пьяным.

Оказавшись в своих «хоромах на ночь», я долго смотрел на сундучок на грязном полу, он стоял там же, где я его и оставил, не подавая никаких признаков потенциально происходящей в нём «внутренней жизни».

Нет, всё-таки правда интересно прочесть. На вес он был не слишком тяжёлый, но ощутимый, килограмма три. Поднёс его к уху — внутри слышалось едва заметное шуршание. Вспомнив слова Епифана о том, что часто ларец лучше не тревожить, но два раза в день читать испи-санное вполне позволительно, я его открыл.

Румяный пирожок, значит? Ну-ну. Прелестная и милая девушка. Скверный и ревнивый характер всё-таки у этой ручки. Кстати, если не запишешь это как есть — я тебя выкину где-нибудь по дороге. Не посмотрю на то, что ты волшебный предмет, поняла?

Когда я открыл сундучок, она безвольно лежала на последних строчках. Видимо, мои слова задели её за живое, и теперь писать при мне она не будет. Но Епифан сказал, что это не страшно, что он ещё не помнил случая, когда было бы по-другому. Сейчас же ручка пишет, я это почувствовал, как только закрыл ларец. Я даже слышал мягкое её шуршание по бумаге в те моменты, когда в воплях из кабацкого зала намечались перерывы. Но я заметил не только это шуршание. Как только ларец был закрыт, я уловил едва ощутимый писк и какой-то зыбкий всполох света. Словно на ярмарочном представлении теней кто-то развёл костёр за простынёй, на которой оно разыгрывается, и густые тени персонажей стали значительно чётче.

Ещё я поймал себя на мысли, что стараюсь думать яснее, словно мои умственные словосклады теперь не только моё дело. Хотя я определённо не собирался давать читать написанное даже Епифану. Подарок есть подарок.

Я задумался о том, есть ли у ручки сознание, ещё когда читал написанное. Но не пришёл к какому-то определённому выводу. Да, она умела обижаться, но обижаться умеют и кошки с бабами. Причём не самые разумные из их представителей.

Ох, не туда тебя мысли занесли опять, Распутя...

Так, тыпру. А перед кем я оправдываюсь? Мне теперь цензурой даже в мыслях заниматься, а не только перед нетрезвым будочником?

Словом, все изменения внутренней жизни, обусловленные подарком, ещё только предстояло осознать.

Я вздохнул. Спина затекла от долгого сидения на жёсткой кровати, я лёг, вытянулся. Навалилась усталость, словно дополнительный убедительный довод для того, чтобы я успокоился и отдохнул. Завтра в любом случае надо двигаться дальше, на территории, которую выбрала для расширения своего влияния Артель, лучше долго не задерживаться. Возьму любой заказ, что угодно, хоть картошку, и в места поглуже... Или к Городу, пистолет стреляет уже через раз, сколько ни подкручивай. Нужна замена. Под эти навалившиеся глухим медным тазом бытовые мысли я и уснул.

*

Я стоял на серых улицах туманного, словно нереального города. Строения его были знакомы и понятны: четырёхэтажные доходные дома, кои давно уже строят не только в столице. Но детали города расплывались и смущали: они не проявлялись, ускользая из зоны внимания, и я так и не мог понять, что же меня в них смущает. Дорога была подозрительно ровной, напоминала гладь озера в безветренную погоду. Мелькали разноцветные огни.

Вдруг раздался шум: скрежет, громкий скрип, что-то металлическое, словно грохот набирающего ход паровоза. Из-за угла появилось ОНО — огромное оранжевое неестественное зарево.

*

Я проснулся весь мокрый от пота. В дверь требовательно стучали. Пока я надевал штаны и пытался прийти в себя, я вдруг понял, что произошло нечто экстраординарное. Я никогда раньше не видел снов. Может, они были когда-то в детстве, и теперь я их не помнил, но это был определённо первый сон за всё последнее время. Открывать ларец и читать не требовалось — я запомнил всё до мельчайшей детали. Но странно... ни одной из них я как раз назвать и не мог, они расплывались. А вот город... он был реален, словно наяву. Снова вспомнив то оранжевое зарево, я замер, оцепенев, но решительный стук в дверь вывел меня из этого неприятного состояния.

Управившись с непослушными штанами, я открыл дверь. На пороге стоял Васил, смотрящий недоверчиво и немного сердито.

— Работа есть. Ты же не собирался задерживаться?

— Нет, — честно ответил я.

— На юго-запад, в Каменный Брод надо кое-что завезти.

— А что Артель?

— Хотел бы к ним обратиться — к тебе бы не пришёл, — сказал он, деловито проведя рукой по дверному косяку. — Хотя сам товар надо доставить в их контору.

Ситуация была вполне рядовая, часто правая рука Артели не знает, что делает левая.

— Три дня пути, цена обычная, половину вперёд.

— Знаю, знаю, только за вычетом ночёвки и прочих расходов, — ухмыльнулся он и пошёл в зал, откуда доносились редкие звуки то ли так и не уходивших, то ли свежепришедших утренних посетителей.

Пока я подготавливал Чалу к дороге, услышал разговор нескольких немолодых крестьян у конюшни, ещё не до конца отошедших после вчерашней попойки.

— Раньше, как ни крути, лучше было, спокойнее. Сидят мужики при барине, всем дело есть, работа идёт, и барину выгодно, чтоб мужик не спивался, — продолжал начатый давно разговор один из них, тонкий седой со слезливыми глазами.

— Да что ты. И трава зеленее поди была? Это у тебя от старости такие думки, спроси молодых, кто хочет бесплатно работать? — ответил другой, крупный мужик.

— Сам иди спрашивать этих бездельников...

— Я тебе говорю, теперь время такое, что не мужика прикреплять надо, а барей да интеллигентов. Вот сам подумай — село пятьдесят дворов, а ни одного лекаря в округе, в науке сведущего. Только Ма — к которому ни одна праведная христианская душа ни в жизнь не пойдёт. Только скот ему доверить и можно, нехристю. Да у заречных бабка-травница, дура старая. Не лечил бы у неё ногу — уже не хромал бы поди, само б зажило.

Тонкий седой со слезливыми глазами рассмеялся:

— Хочешь, чтобы тебе в эту глухомань врача с городу прикрепил? Губа у тебя не дура. Умники — все свободолюбивый народ, больно им надо стариков деревенских лечить да у сельских бабёнок роды принимать.

— А может, я в будущее смотрю? Вот Ма тебе про карму говорил? — Крупный мужик брезгливо перекрестился. — Может, есть в этом какая правда? Справедливость особливая, Господняя? Раньше ж как было — мужик пашет, барин да интеллигент в Парижу кутит. Коли у него душ пятьдесят, то слабо кутит, едва на билет хватает. А коли тыщу иль больше, то кутит от души, на всю тыщу. Так, значит, рано или поздно Господь сделает так, что мужик сможет по заграницам ездить, а барина некая сила на Руси крепко держать.

— Ой ну ты удумал, как такое можно?

В беседу встрял третий, тихий мужик в чёрном тулупе:

— Вообще-то городские лекари жида все, а не баре.

— Тем более. Думаешь, они по заграницам не ездят?

Мужик в чёрном тулупе продолжил:

— Фантазии это всё твои, Сидорович. Коли будут в этом твоём будущем такие интеллигенты, что их прикрепить можно будет, что холопа простого, — значит, то будет тот же холоп, только учёный. Как старый Фёдор, что недавно преставился, — хоть латынь ему в детстве втемяшили, а всё равно лакеем был. А ты говоришь — карма...

Нет, всё-таки определённо Ма хорошо влиял на интеллектуальную жизнь здешней деревни. Даже такие разговоры тут проходили как-то интеллигентно, особенно для сельской глуши с одним кабаком на всю округу.

Закончив все приготовления, мы двинулись в путь.

Дорога надвигалась на пространство внимания, и вскоре из него пропали последние признаки близкого места жительства других людей. Осталась только серая и коричневая пыль, песок и разветвлённые следы колеи под копытами Чалу. Она шла бодро, накормленная, отдохнувшая.

И всё-таки, что это за сон? Думать не хотелось, дорога и Зыбь надвигались, и я отдался этому моменту, отдыхая душой. Дорога ощущалась куда больше моим домом, чем любая комната в кабаке.

Через пять минут мы с трудом разъехались с огромной гружёной артельской телегой. Люди на ней были с предвкушающими лицами, лицами тех, кто наконец выходит из Зыби и возвращается если и не домой, то во что-то приятное и уютное, знакомое. На меня они смотрели сочувствующими глазами, как на того, кто только начинает свой путь и кто должен быть тревожен и опаслив. Заметив моё спокойствие, у них во взгляде появилось непонимание и твёрдое нежелание иметь со мной какое-либо дело.

В артельскую повозку была запряжена тройка лошадей. Чалу, проходя мимо, чуть ущипнула одну из них за зад и тут же отвернула голову, хитро глянув на меня. Артельская лошадь взбрыкнула. Отвернувшиеся было извозчик с охранником зло на меня зыркнули, но после моего ответного взгляда ничего не сказали.

Через пару часов, когда Зыбь уже была во всей своей власти, пришлось пальнуть из пистолета в густые придорожные кусты. Мы с Чалушкой одновременно почували, что там что-то есть и намерения у него явно недобрые. Второй пистолет разряжать не пришлось — после снопа искр, дыма и металла «что-то» решило ретироваться и лишь мелькнуло за деревьями.

Ещё через час Чалу нервно дёрнула хвостом, а следом почувствовал опасность и я. Мы пошли осторожнее, я не достал пистолет, но поглаживал его рукоять. Я, словно слепой мастер, запомнил на ней все щербинки и неровности и мог зарисовать их точное расположение не глядя.

Туман и чёрные стволы деревьев окружали нас со всех сторон, если не считать узкой колеи дороги. Через какое-то время впереди справа я заметил свет. Как и полагается, я смотрел на него только боковым зрением. Вскоре я понял, что делал всё абсолютно правильно: свет был не на самой дороге, а с краю от неё, в чаще из чёрных стволов. Это не был караван артельщиков.

Краем глаза я заметил, что свет начал переливаться разными цветами, и уже издали услышал тонкую печальную мелодию.

Предстояло пройти мимо Призывника.

Чалу поняла это одновременно со мной. Артельским лошадям в таком случае надевали на голову специальный чёрный платок, весь караван останавливался, чтобы сделать нужные приготовления, лишь некоторые обученные экипажи обходились простыми шорами.

Как Чалу этому обучилась — я не знал, но, когда предстояло пройти мимо Призывника, она собиралась, несколько раз шумно вдыхала и выдыхала, слегка прикрывала веки и сосредоточенно смотрела вперёд и вниз, ни на что не отвлекаясь. Её глаза в этот момент были печально-красивы как никогда, и даже её походка приобретала какую-то особенную медитативную грацию.

Сделала она то же самое и сейчас. Я пошёл рядом, прикрываясь телом лошади от источника света и звука. Что на самом деле делал Призывник — не знал никто. Не было ни одного выжившего и даже останков. Более того, не было ни одного свидетеля, когда-либо видевшего, что произошло. Из-за чего учёные сделали вывод, что если кто-то в караване привлёкся — то и у остальных больше не было шанса. Первый класс опасности как-никак, и в путеводных школах учили не смотреть и не слушать Призывника с первых дней обучения. Новичкам, в которых караванщик уверен не был, закрывали глаза и уши, как лошадям. Но брошенные караваны, без каких-либо следов сражения, всё равно находили регулярно, и не без оснований считалось, что это результат воздействия Призывника.

Я взял пример с Чалу и, смотря прямо перед собой, медленно и чувствуя каждый шаг, каждый вдох и выдох, пошёл рядом с ней.

Я замечал, как на краю моего поля зрения играет искрящийся свет. Чарующая музыка призывала к чему-то волшебному и лёгкому, к чему-то почти несерьёзному, к чему-то воздушному, как пёрышко, прилетевшее на кончик носа ранним воскресным утром... А искрящийся свет переливался, словно ожерелье на шее красивой дамы, обещающая невероятные, незабываемые переживания, маня надеждой на самое лучшее, что вот-вот случится.

Я почувствовал, как Чалу корпусом толкнула меня в плечо, и снова начал следить за шагами и чувствовать дыхание. Раз шаг, два шаг, три шаг. А вот и ощущение воздуха на ноздрах, знакомое и привычное. Ещё несколько шагов — и искрящийся свет уже был за спиной. Но позволил расслабиться я себе только через десять минут, когда музыки и отблесков света уже давно как не было видно и слышно.

Ближе к вечеру я приметил безопасную полянку. Лес был далеко, его туман сюда не доходил, и заночевать можно было относительно спокойно. Ещё засветло я разбил лагерь и развёл костёр. Чалу одобритительно пощипывала траву рядом, довольная и выбором места, и рациона. Место для ночлега мы всегда выбирали вместе.

Перед сном я решил заглянуть в ларец.

Нет, ну всё-таки обидно. Записать диалог крестьян с довольно тривиальными мыслями, о котором я за день пути уже практически и забыл. И ни строчки моего долгого философского размышления перед сном: о смысле жизни, символике дороги и пути... Я, честно признаться, надеялся это всё перечитать когда-нибудь потом. Были весьма интересные мысли, и я широко их развернул. Очень неприятно...

Хотя... Если уж быть с собой честным (и это ещё неприятнее признавать), если бы я встретил такой монолог в книге, особенно в начале, то поморщился бы от лобовой прямоты изложения. Стыдно признаться, но, похоже, я занимался излишним самолюбованием и словоблудием. Давай уж будем честны с собой, Распутя, — выпендривался перед ручкой своим умением крутануть мыслью, правильно? Правильно. Ну вот и получил щелчок по лбу. И ведь справедливый...

Но... получается тогда, какая цель у этой своенравной ручки, если, конечно, она у неё есть? Точно не писать безоценочный полный дневник, иначе бы ничего не упускала. Ох уж этот Епифан...

Свой ночной сон я тоже прочитал. В голове он казался более полным, чем на бумаге.

Ладно. Пора и сейчас ложиться спать. Завтра в путь. В свете ночного костра я заметил, что Чалу как-то насмешливо сощурила глаз. Я подошёл к ней.

— И ты надо мной издеваться теперь будешь? Сговорились все...

Она примирительно ткнула мордой мне в грудь, прикусив шнурок туники.

— Ох ты ж паскуда, всегда знаешь, как растопить моё сердце.

Из поклажи я достал морковь, прихваченную вчера в кабаке у Василя. Чалу бодро ею захрустела.

Подбросив веток в костёр, я устроился спать. Уже засыпая, я с ужасом понял, что отблески от костра напоминают мне то оранжевое зарево из сна, но проснуться я уже не мог. Я был за точкой невозврата, тёмные пучины забытья забирали меня своими липкими щупальцами, не оставляя и надежды знать, куда я попаду в следующую секунду.

*

Сюрприза не произошло. Я оказался на той же самой улице, понял, что сплю, но ничего не мог поделать с этим, сон как лента с картинками проматывался передо мной, насильно протаскивая внимание по всему, что содержал.

Было больно видеть эту улицу. Я не хотел здесь находиться, но лента прокрутилась ещё, и я увидел повозку. Нет, странный автомобиль — он ехал по неестественно ровной дороге, почти не покачиваясь. Было больно различать детали, я видел фары, но не мог понять ни марку, ни очертания. Затем лента потянулась снова. Я знал, что она потянулась к тому оранжевому зареву... Я стал дёргаться, стараться выскочить из того, что зажало меня, зажало внимание. Но не мог, словно я, как привинченный фонарь паровоза, не имел оси вращения и всё надвигался и надвигался на разрушенный мост, не в силах сделать что-либо.

Наконец я закричал.

*

Я проснулся от собственного крика. Чалу смотрела на меня настороженно. Видно было, что она пыталась подойти, но длина верёвки не позволяла.

— Всё хорошо. Всё в порядке, — сказал я, поднявшись, и понял, что снова рубаха мокрая от пота. Я подошёл к Чалу и похлопал её по шее, она сразу подействовала на меня успокаивающе, я выдохнул.

— Ну как тебе аксессуар? — раздался знакомый голос.

Мы с Чалу одновременно вздрогнули. Епифан появился словно из ниоткуда и уже сидел у потухшего костра позади меня.

— Тебя то днём с огнём не сыщешь, то чуть ли не каждый день объявляешься, — сказал я.

— Признайся, Епифана никогда не бывает слишком много, особенно в тексте. Даже не отрицай, что вы соскучились!

Я лишь покачал головой и перевёл взгляд на ларец, который уже крутил Епифан.

— Суперпозиция, или как там, не сломается? — деланно озабоченным тоном произнёс я.

— Да что ей будет, на то она и суперпозиция. Так я гляжу, заметил кое-что интересное? — указал глазами на мою рубаху и взъерошенный вид Епифан.

— Сон один снится... — и я в двух словах пересказал его.

Он помолчал с полминуты и улыбнулся:

— Оранжевое зарево, значит?

Меня снова передёрнуло.

— Тебя в детстве ничем оранжевым не били, возможно, в район головы? — расплылся он в улыбке ещё шире.

— Ну ты-то зачем в эти новомодные анализы? — слабо улыбнулся я, подхватывая его шутку, а затем добавил серьезнее: — Не били вроде.

— Ну вот видишь — уже прогресс. А ты брать не хотел.

— Ну его, такой прогресс.

— Забрать обратно? — хитро взглянул он.

— Не надо, — коротко ответил я.

— Ну что же, а я пошёл, — сказал он, поворошил пепел костра когтями и встал. — Наблюдай за изменениями. Мне самому жуть как любопытно.

Я пожал его «руку», и, как только отвлёкся к поклаже, его и след простыл.

Я сложил незатейливый полевой лагерь на телегу, накормил Чалу полноценным обедом — высококалорийным овсом, старым проверенным методом обезвредил костровище. И мы двинулись в путь.

Глава 1. Каменный Брод

Чёрная холодная вода текла медленно и тягуче, что пугало даже больше бурного потока. — Не бойся, Чалу, всё хорошо, — сказал я, чтобы успокоить и себя, и её.

Глубина у брода оказалась куда меньше, чем виделось снаружи, но всё равно — так называемый курортный городок мог бы раскошелиться и на нормальный мост.

То, что ручка снова пишет, я почувствовал. Два дня она не писала ничего — то ли выражая таким образом остаточные обиды, то ли в самых глубинах Зыби не работала. Но как только она стала писать снова, я почувствовал, что всё вокруг сделалось намного уютнее.

Утренний туман расступился, и взору открылась цель прибытия — небольшое, почти полностью каменное поселение у реки на холме. Домики вдоль брусчатой дороги были небольшие, многочисленные, плотно облегающие улицу. Но дальше виднелись и солидные усадьбы с участком. Самые крупные из них были огорожены внушительным забором.

Мёрзлый воздух оставлял в недоумении — почему столь холодное и туманное место избрали на роль курорта. Давала о себе знать и осень, возможно, летом здесь было ярче и теплее. Но звание курорта честно пытались отстоять живописные чёрные скалы предгорий вокруг. Да к тому же где-то тут был популярный горячий источник с названием «Красный», по рассказам, спасающий от всех болезней и хворей. Но таким рассказам, как я понимал, верить не стоило. Каждое мало-мальски привлекающее туристов место было просто обязано пропитаться попутной «легендарикой». В мире великое множество «скал влюблённых» и «троп здоровья». Если пройти все такие тропы, безусловно, тут же упадёшь замертво; с чудотворными источниками, подсказывала мне интуиция, ситуация такая же.

Тем не менее я решил остаться здесь на несколько дней, даже ценой пары лишних рублей — даже простое жильё наверняка тут было недёшево. Но перед дорогой в Город душа требовала насладиться экзотичной, пусть и не совсем приветливой природой, а пастбище с сочной, пропитанной росой тёмно-зелёной травой обещало Чалу хороший отдых перед поездкой. Она, словно прочитав мои мысли, косила уже на него своим огромным чёрным глазом.

— Телегу сбросим — отведу тебя туда, — ласково сказал я. Она поняла.

Проехав пост будочника и несколько каменных домов, мы вскоре оказались в центре, о чём ясно сообщала центральная водная галерея — каменное сводчатое здание, одно из немногих общественных пространств городка. Но я откуда-то помнил, что сам Красный источник был не здесь, а выше в горах, в нескольких часах неспешной прогулки. В самом Каменном Броде, как назывался городок, за пользу и здоровье отдувалась вода попроще: лишь слегка пахнувшая сероводородом. Рядом с галереей стояла почерневшая от сырости контора Артели. Туда-то мне и было нужно.

Пропитанная влажным воздухом деревянная дверь на проржавевших петлях со скрипом распахнулась. Прямо у входа я наткнулся на пирамиду из дощатых ящиков и сундуков. Проход был настолько узким, что пришлось протискиваться. Мда... у Артели даже в таком захолустье, видимо, не бывает проблем с заказами. А я ещё удивлялся, зачем им такая большая контора.

Где-то в глубине слышался стук клавиш старой печатной машинки, или даже нескольких. Пахло свежей рогожей и складской пылью. Я завернул за очередную пирамиду из ящиков и наконец оказался на открытом пространстве со стеллажами. Внутри здания места оказалось даже больше, чем я предполагал снаружи.

Впереди девушка в чёрном длинном платье с белыми манжетами что-то нетерпеливо искала на одном из стеллажей, балансируя на не самого крепкого вида табурете, и приговаривала:

— Да где же ты, чёрт...

— Вам помочь? — спросил я, чтобы лишить такое хрупкое создание повода ругаться дальше и переходить на более крепкие слова.

Она обернулась, в глазах что-то сверкнуло, но, увидев меня, она тут же улыбнулась:

— Буду очень благодарна.

Она уступила мне табурет. Я же с опаской ступил на него, надеясь, что судьба изделия сегодня будет так же благосклонна к нему, как и многие годы до этого. А заодно и ко мне.

— Вот там. Слышите писк?

Я действительно услышал равномерный писк на верхней полке и, перебрав несколько коробок и свёртков, наконец отыскал издававший его предмет. Он был плотно обёрнут тканью. Я передал его девушке.

Она что-то нащупала на ткани, и предмет наконец перестал пищать. Смахнув несколько капель пота, я не без облегчения спустился с шаткого табурета на твёрдый пол.

— Спасибо вам большое! — Девушка, продолжая улыбаться, взглянула мне прямо в глаза.

Пока она выключала неприятную особенность неясного предмета, я успел её рассмотреть. Чёрное платье с редкими кружевами и белыми вставками. Тонкая шея, лишённая всяческих украшений, но своим фарфоровым блеском являющаяся украшением сама по себе. Угольные, как и платье, коротко остриженные волосы — кажется, эта причёска, не очень популярная нынче у девушек, называлась «каре». Впрочем, курортная мода всегда отличалась. И такие же чёрные, словно две переспелые вишни, глаза. Белая кожа лица, острый, чуть вздёрнутый нос. Выражение лица грустное, немного усталое, но глаза, казалось, скрывали где-то в своей черноте одну большую тайну. Или как минимум несколько тайн поменьше.

Она, видимо восприняв мой взгляд по-своему, сказала:

— Это какой-то странный заказ. Всё время пищит. Вы же... — она замаялась. — Привезли что-то?

Мы прошли к крепкому, твёрдому, сбитому из толстенных досок — словно антиподу табурета — столу. На нём, помимо кипы бумаг, стояла маленькая пишущая машинка новой модели, лежала связка ключей и ещё мелочи вроде флакона духов.

— Я от Василя. — Я окинул взглядом стол. — А вы работаете здесь секретарём?

Она положила обёрнутый тканью предмет на край стола, собрала в кучу несколько раскиданных бумаг и, помолчав несколько мгновений, бросила на меня быстрый взгляд.

— Да... Директора... Господина Зорина сегодня нет, у него выходной.

Мне показалось, что, когда она произнесла его имя, её и без того белое лицо побледнело ещё сильнее, а глаза сосредоточенно стали рассматривать содержимое стола, почему-то избегая теперь смотреть на меня. Она продолжила:

— Вы здесь надолго? Он будет завтра с утра и подпишет ваши бумаги.

— Я здесь на несколько дней точно. Тогда завтра утром я зайду к господину...

Она снова посмотрела мне в глаза и задумчиво улыбнулась:

— Зорину. Да. Я ему передам, с восьми до десяти он точно будет здесь. Если хотите груз...

— Я уже сказал работникам снаружи, чтобы заносили.

— Кстати, как ваше имя? — спросила она, теперь слишком пристально всматриваясь мне в глаза. — Я передам д-директору.

Неужели она ещё и заикается? Определённо милое создание.

— Распутя. А вас?

— Мэри.

Пока мы проверяли груз, мы несколько раз встретились глазами. Но что-то сказать, а тем более предложить, я не решился. Возникло смутное ощущение, что она кого-то мне напоминает, но оно было настолько смутным, что никакой ниточки, за которую можно было потянуть,

я не обнаружил. С делами было покончено, осталось только получить бумагу завтра утром у этого Зорина. Так, на всякий случай. А потом можно было отправиться на источник. Название его, правда, было немного угрожающим.

Я оставил телегу в переулке у конторы, снёс вещи в комнату здешнего гостевого дома, которая оказалась довольно приличной и не такой уж дорогой. Из торцевого окна даже открывался вид на чёрную гору.

Покончив с заселением, я отвёл Чалу на пастбище, примеченное нами ранее. Уже у ворот она немного заволновалась: за оградой виднелись ещё с десятков-другой лошадей. Особенно выделялась бело-платиновая ездовая, породистая. Она скакала по всему пастбищу то налево, то направо, игриво подпрыгивая, молнией пересекала всё пространство, успевая пообщаться с группой лошадей то на одной стороне, то на совершенно противоположной.

— Нравится? — раздался холодный скрипучий голос.

Я вздрогнул, но не подал виду и обернулся. Незаметно ко мне подошёл человек в чёрном фраке, с морщинистым благородным лицом и ледяными цепкими глазами. Своим видом он напоминал кощея, как его изображали на сельской ярмарке, только актёры обычно были сильно моложе.

— Да. Неплоха, — ответил я.

— Ксения. Быстрая, резвая, голубых кровей. Оочень дорогая, — хрипло сказал он, не сводя взгляда с белой лошади.

— Некоторые сказали бы, что негоже животному христианское, людское имя давать, — ответил я, чтобы ответить хоть что-то.

Новоиспечённый собеседник с любопытством посмотрел на меня.

— Ну уж какое есть. Называл не я. Давайте вашу, и не переживайте, присмотрю. На пару дней? — Он взял поводья в свою руку в тонкой кожаной перчатке, как мне показалось, с некоторой брезгливостью.

— На три.

— Хорошо. Как вас? — Он улыбнулся насколько смог благодушно.

— Распутя. А это Чалу. Вы уж присмотрите.

— Очень приятно. Неглядов. Лучше меня никто не присмотрит, будьте уверены. Спросите любого в этих краях — я лучший в своём деле.

Я решил не уточнять, какое дело его, расплатился за трое суток вперёд, цена оказалась кусачей. Пожал ему руку и несколько раз ободряюще хлопнул по крупу косящую на меня глазом Чалушку.

По пути в арендованную комнату я отогнал все подозрения и разоружил все сомнения. Чалушка — обычная тяговая лошадь, красть её или что-то ещё с ней делать смысла нет. На такую породистую прыткую Ксению можно было купить сотню простых Чалушек, если не тысячу. Точно целый табун. Так что владельцу такой лошади не до мелкого обмана. И заявленная цена за содержание успокаивала. Но полностью отогнать липкие опасения я так и не смог.

Когда я зашёл в своё временное пристанище, в комнате было ещё светло. Солнце шло к закату, но лучи обильно врывались через окно, рассеивались и, кажется, судя по попавшему когда-то в мои руки учебнику физики, преломлялись. Отчего в моём довольно уютном номере в этот час было даже светлее, чем на тёмной, огороженной рядом домиков, главной улице.

Оказавшись в кровати, я поймал себя на том, что смотрю на ларец. Но открывать его решимости не было. В дороге ручка почти не записывала, о чём я как-то на привале даже загрузил, но сейчас явно продолжает.

Вдруг она переврала встречу с Мэри в своём странном приступе ревности? Или, наоборот, записала только что-то неважное?

Почему-то мне было страшно, и я вдруг понял почему. Если она сейчас пишет, то может снова присниться сон...

Между собой боролись два желания — прочитать написанное сейчас или оставить на завтра. Я решил проверить возникшую теорию: если не читать на ночь, то, может, и сон больше не приснится? Поэтому поднимающийся в душе соблазн остался без реализации и саднил где-то внутри фантомными болями упущенных возможностей.

Солнце село за край окна, а затем и за гору, последние прямые лучи исчезли с белого потолка, как когда-то туземные жители целых континентов, как писали журналы антибританской направленности.

И я не заметил, как меня сморил ранний сон.

*

Странное зыбкое пространство... Неестественный белый свет. Что-то пропищало.

— Согрелось, не слышишь? — сказал ласковый девичий голос.

Туман и мельтешение, невозможно разглядеть расплывающиеся детали.

Вспышка оранжевого пламени; в руках тарелка с чем-то горячим.

— Блин, перегрелось, — сказал кто-то, кажется, я.

— Включай. Интересно, что дальше, — вновь прозвучал девичий голос.

Чёрное зеркало вспыхнуло ярким белым светом.

*

Едва проснувшись, я с некоторым неудовольствием сразу побрёл к ларцу.

Сон не был страшным, как предыдущие, но в нём было что-то неприятное, что-то тонко-цемящее и болезненное. Не хотелось оставаться с мыслями о нём наедине.

— Это уже какая-то зависимость, — буркнул я себе под нос и открыл полированную крышку ларца.

Ящик был снова приведён в «боевое» положение. Судя по написанному вчера, ручка в этом городке решила не стеснять себя в записанном. Мэри... Имя она сказала тихо, и, признаться, я его не расслышал, подумал — Мари. Но ручка записала чётко и определённо, через «э». Удобно. Надо будет проверить невзначай.

Ну а фарфоровая шея и милое заикание... Могу поклясться, что не думал именно такими словами в тот момент. Или думал? Может, просто образами, а не словами? Кружится голова после сна...

Я посмотрел в окно. Свежие рассветные лучи заполняли пространство, обещая чистый, полный смыслов и счастья новый день. И если бы я был так же юн и нов, как эти лучи, я бы принял возникший душевный подъём близко к сердцу, распахнул окно, вдохнул холодный утренний курортный воздух полной грудью и, ободрённый, ожидал бы чего-то особенного, волшебного в этот день.

Под эту мысль я, кряхтя, принялся натягивать штаны. Обещанию чуда, так легко поднимавшемуся в моём сердце когда-то, я больше не верил. Но до обозначенных Мэри часов встречи с её начальником определённо успевал проведать Чалушку, отдать на починку колесо и выпить на брусчатой улице горячего кофе с молоком. Да, именно «горячего». Не уверен, что те варианты кофе с молочной пенкой, что подают в местных заведениях, можно было бы назвать в мужском роде. Хотя, стоит признаться, они мне нравились больше, чем та крепкая чёрная жижа, которую принято подавать в Городе.

Кстати, о Мэри. Ручка ещё несколько раз выделила загадочность и таинственность. Я определённо вчера что-то такое почувствовал, но теперь, снабжённый прочитанным в «линейном» варианте повествования, могу и сам выделить это чётче. Что-то в ней точно такое есть. Интересно, будет ли она сегодня?

*

Чалу смотрела на меня неодобительно.

— Ну чего ты дуешься. Всего несколько дней. Не могу же я сам тебя вычёсывать всё время? Да и где буду держать — на колышке на улице или у себя в комнате?

Чалу перемялась с ноги на ногу, тряхнула головой и взглянула так, словно всё понимает, но всё равно происходящее не одобряет.

— Нет, ну правда, неужели ты телегу не устала тащить? А на траву кто позарился? — сказал я и обвёл рукой роскошное зелёное поле вокруг.

Она дёрнула головой, встала боком, глядя на меня чуть отвернув голову. Она всегда так делала, когда давала понять, что где-то «в моменте» я не прав, но сейчас этого не осознаю, и ни она, ни я ничего с этим поделать не можем. И ведь действительно, можно было вспомнить не один и не два случая, когда эта её поза впоследствии превращалась в победоносную позу «я же говорила!».

— Думаешь, стоит уехать на день раньше? — попробовал я найти компромисс.

Она отвернулась ещё больше, давая понять, что, что бы я ни сделал, результат всё равно будет неудовлетворительный. Следующим движением она повернулась и ткнула мордой в плечо. Что обычно значило — всё в порядке, не заморачивай голову. И пошла. Я на прощание провёл ей рукой по спине.

Не нравится мне это, ой не нравится. Успокаивало то, что с ней явно всё хорошо. Когда её обижал какой-нибудь мальчик-конюший — она всегда давала мне это понять, дёргая за особое место правого рукава.

Ладно, заберу бумаги — а там посмотрим. Ещё и на источник сегодня, может, успею сходить.

*

В назначенное время в местной конторе Артели было тихо. Не шныряли туда-сюда, как в прошлый раз, грузчики, отчего и сама улица казалась полупустой. Дверь была закрыта.

После стука мне открыл статный и высокий молодой — лет двадцати с небольшим — человек. Лицо привлекательное, точёное, с застывшей маской насмешливости. Аккуратные бакенбарды переходили в небрежно растрёпанные кудри — не лицо, а картинка.

Он осмотрел меня с головы до ног, коротко кивнул и сказал:

— Вас я скорее всего и жду.

Он пригласил пройти. Внутри всё было почти как в прошлый раз, только света зажжено больше, а ящики, которым не нашлось места на стеллажах, были сложены аккуратнее и не затрудняли проход.

— А вы, как мне сказали, из исчезающего вида: «free lance»? Свободный копейщик, как сейчас модно говорить? Любопытно. На моей службе здесь — вы первый.

— Что-то вроде того, — не стал вдаваться я в детали своей работы.

Он совершенно расслабленно улыбнулся:

— Артель в последние годы так разрослась. Вам наверняка перепадают совсем крохи? Хотя одеты вы, стоит признать, приличнее, чем я думал. Знаете, я тоже сначала сомневался. Но всё-таки убедился сам: Артель — это прогрессивное, лучшее крыло человечества. Когда я обучался в главном офисе на управляющего высшего звена, с нами на курсе даже был парень тоже... простого происхождения. В этом плане мы, стоит думать, действительно на острие всех гуманитарных сил. Вы бывали в Городе?

Я кивнул. Он, не взглянув на меня, продолжил:

— Хотя конечно же бывали, вам по должности положено. Как будете в следующий раз, рекомендую зайти в наш главный офис. Не стоит человеку с вашим опытом терять свой дар зря. Вы ведь сможете послужить молодым поколениям и получить почётную для вашего возраста ставку наставника.

Нахал, я старше его максимум лет на семь.

Он всё так же не глядя прямо на меня протянул руку:

— Зорин.

— Распутя.

Мы остановились у большого стола у окна. Я протянул бумаги. Слушать напыщенного артельского пижона больше не хотелось. Тем не менее взгляд невольно пробежался вокруг, в надежде заметить где-нибудь Мэри.

Молодой человек, снова не взглянув на меня, взял бумаги и сказал:

— Ищете кого-то?

Я опешил и не успел толком ответить:

— Я эм...

— Понравилась моя Мэри, секретарша, да? Очаровательная девушка. Брюнетки — это шедевр природы. Чёрный опал, алмаз, украшающий любого мужчину. А вы как считаете?

Он с каким-то дьявольским чутьём вытащил тему моего беспокойства прямо у меня из головы. И, вовсе не ожидая ответа, продолжил:

— Блондинки — это женщины, созданные природой для работы: рожать детей, смотреть за домом, ждать благоверного у очага, пока свет пламени играет на бледных, обесцвеченных локонах. Перебирать бумаги, зачитывать послания, если уж позволяет образование, кое женщинам получать теперь так модно.

А брюнетки... Ооо... Это жгучий уголь для сердца мужчины. Страстные, горячие... Вот Мэри, скромница скромницей, но я же вижу, что порой играет в её очаровательных глазах, какое пламя там тлеет и жаждет возгореться. Так не хочется, чтобы она тратила свою жизнь на эти бумажки...

Судя по брошенному на меня насмешливому взгляду, Зорин что-то заметил. Хотя я был уверен, что не подаю вида, да и обычно собеседнику сложно было прочесть какие-либо эмоции на моём лице, если я этого не хотел сам.

— Распутя, что такое? Я угадал? Вам она приглянулась? Вы, кажется, немного переменились в лице. Совсем чуть-чуть, но я-то вижу.

— Нет...

Не дав мне закончить, он продолжал так же вальяжно:

— Она неделю как устроилась у меня. Я вижу её насквозь: прямое предложение, любовное ли, денежное — она отринет, не задумавшись и на секунду. Но у меня уже есть план. Вы любите ставки, Распутя? Знаете, вы своим теперешним забавным видом открыли мне новый, можно сказать, спортивный интерес в этом деле. Сколько вы здесь, три дня? Как раз будет бал... Давайте поспорим — к этому времени она будет моей!

Он пренебрежительно, оценивающе снова осмотрел мою одежду.

— Какая сумма для вас подъёмна?

— Я не собираюсь... — начал было я, и вдруг мне стало до того обидно за Мэри, и до того захотелось уколоть и уязвить этого человека, что внутри что-то быстро вскипело и горячим паром поднялось словами к горлу, и я уже услышал, как мой рот произносит: — Сто рублей!

Зорин посмотрел на меня с наигранным уважением.

— Принято. Готовьте деньги.

И почему я сказал сто рублей? У меня не наберётся и сорока. Хотя неужели я сомневаюсь в Мэри? Но почему я должен не сомневаться?

Автоматически под эти мысли я скрепил договор рукопожатием.

— А вот и ваши бумаги. — Зорин отдал мне подписанные накладные на приём товара с красной артельской печатью.

И тут в зал конторы откуда-то из подсобного помещения вошла Мэри.

— О, а вот и вы. Мы только что о вас говорили.

Мэри не взглянула на него, но посмотрела на меня. Зорин либо этого не заметил, либо не захотел замечать:

— Мы как раз говорили о бале. Я рассказал господину... — он не стал утруждать себя произношением имени, — как вы ранили меня в самое сердце, отказавшись составить мне компанию. А между прочим, сей господин согласился принять приглашение и пойти со мной. Всего лишь одна прогулка по курортному проспекту — и пара барышень из самого высшего общества сразу составят нам компанию. Посмотрите, какой высокий и статный красавец, хоть и совершенно не умеет ухаживать за своей, с позволения сказать, бородой. Но зато для своего положения имеет недурной вкус к одежде.

Мэри неспешно подошла к столу, положила на него папку с конторскими бумагами и не поднимала глаз, пока директор продолжал говорить.

Наконец она подняла глаза на начальника и тихо сказала:

— Пожалуйста, прекратите.

— А что? Уволитесь завтра же? Я, в отличие от вашего, с позволения сказать, папеньки, ни разу вас пальцем не тронул.

Она прикусила губу и побледнела. Он примирительно поднял руку и заговорил ласковым голосом:

— Вы же понимаете, что я не со зла. Любовь заставляет меня говорить всё это. От вашего бессердечия ко мне я чувствую себя уязвлённым и хочу уязвить вас в ответ. Пробудить хоть что-то кроме равнодушия...

Она побледнела ещё сильнее и сжалась. А затем быстрым шагом пошла прочь.

Зорин повернулся ко мне, и на его лице появилась лёгкая улыбка. Я хотел сказать что-то злое, но почувствовал, что то, что я сейчас, к своему стыду, сделал эту странную ставку, которую уже не отменить, не обернуть, не давало мне уверенности кого-то осуждать.

— Знаете, а ведь правы эти, как их там? — Он быстро подобрал слово. — Феминистки из Города. Незавидна судьба женщины. У неё же два пути. Либо остаться со мной, согласившись на то, что я добьюсь своего, либо вернуться к своему папеньке. Отгадайте, что она выберет? Готовьте деньги.

Наконец он задумчиво бросил взгляд на мои ботинки:

— Ну хорошо, ладно — три пути. Вести такую же жизнь, как вы. Но разве это не хуже смерти? Женщина существует как женщина только в зеркалах чужих сознаний. Удалите всю публику, погасите свет сцены — и кто она тогда? Вне общества, в полях и лесах за цивилизационной чертой весь цвет женственности умирает. Это пространство мужчин, причём таких отчаянных, как вы. Волки забвения и дикие звери тотального одиночества уничтожат всё внутри женщины, все тенденции как-то и перед кем-то выглядеть, и она потеряет свою природу. Вы не находите?

Зорин по виду был явно доволен своим последним монологом и не стесняясь продолжал:

— Хотя, судя по вашему приличному, по крайней мере для здешнего общества, виду — вы сэкономили свою, как бы сказал какой-нибудь мудрец, «внутреннюю аниму» в том пространстве одичания, в котором обыкновенно пребываете. На многих наших дальних курьеров без слёз не взглянешь. Но мужчине это проще, он сам себе защитник и общество. Разве вы не согласны со мной? Многих ли женщин вы видели на просторах Зыби, за пределами хорошо освещённых общественным вниманием пространств городов и селений?

Я хотел было что-то сказать, но понял, что за последнее время, кроме Чалу и нескольких капризных пассажиров, которым нужно было проехать короткий отрезок, в дороге женщин я не видел. Хотя легенды о великих «следовательницах дороги», конечно, ходили. Ну и Авто-ручка, судя по эпизодам с ревностью, была, если можно так выразиться, женского если и не пола, то хотя бы рода.

Видимо заметив мою внутреннюю борьбу, Зорин сказал мягче:

— Нет, вы не подумайте, я ни в коем случае не обвиняю прекрасный пол. Виновато лишь само устройство нашего общества. Кстати, я глубоко убеждён, что когда технологии вроде теле-

графа пойдут дальше и дальше и свяжут всё человечество сеткой невидимого, но постоянно осязаемого «общества», незримого и постоянного «света», то многие женщины станут путешествовать куда больше мужчин, не расставаясь со своей ролью, транслируя в эту невидимую сеть свою природу и красоту, продолжая торговать ей. Более того, это станет частью успешной общественной маски.

Я неопределённо пожал плечами и повернулся в сторону выхода. Полемизировать с такими ловкими словоблудами я никогда не умел, да и в голове после очередного сна был сплошной туман. Но я не удержался и бросил напоследок что-то, что, как мне показалось, может хотя бы его уколоть:

— Ну вы и сами не человек дороги, сударь, и свет покидать явно не любите.

Я успел заметить, что он, нисколько не обижаясь, улыбнулся:

— Я предоставляю это таким, как вы.

Ближе к выходу я услышал, как он крикнул мне вдогонку:

— Надеюсь, вы умеете держать слово и не уедете с моими деньгами!

Выйдя на улицу, я решил пройтись по бульвару. Утренняя прохлада приятно ощущалась всем телом, обновляя после душной и пыльной конторы, а солнечные лучи освещали всё вокруг ласковым светом, прогоняя последние холодные ночные тени.

Какой же неприятный тип. И почему, когда какой-то определённый представитель рода человеческого вдруг чувствует, что имеет полное право транслировать свои идеи окружающим, эти идеи в основном оказываются связаны с чем-то низменным и недостойным? Не связаны ли глубокое чувство уверенности в своих словах и склонность к возвеличиванию себя и угнетению других — может, это всё происходит из одного животного корня?

Я хотел найти дорогу к источнику, но под эти мысли не заметил, как дошёл до борделя. Вывески на нём, конечно, не было, но такие места я умею определять безукоризненно, словно кот, непременно выбирающий крынку со сметаной среди сотни других. Можно сказать, ноги, или в целом всё что ниже пояса, приводят меня в эти альковы любви сами.

Я остановился и усмехнулся: интересно, как всё это записала ручка? Если этот последний мысле-вопрос у меня и прозвучал в голове в формате внутреннего диалога (хотя, признаться честно, скорее монолога), то предыдущие мысли были в формате огромного мыслеобраза, так что то, как их запишет ручка, было отдельным забавным экспериментом, на который тоже можно было делать ставки. Кстати, о ставках. И какой чёрт меня дёрнул?

Отгнав эти мысли, я вошёл внутрь.

Бордель был типичным провинциальным заведением средней руки, но с учётом курортного контингента на каждую деталь было потрачено несколько больше денег, чем обычно. На люстре было чуть больше хрустала, цветочных горшков с высокими странными растениями в холле было не четыре, как обычно, а шесть. Красную ковровую дорожку на лестнице, ведущей на второй этаж, судя по протёртостям, меняли не три года назад, а два.

Глаза ещё не привыкли к полутьме после улицы. Откуда-то слева я услышал:

— Это кто у нас такой красавчик?

Нет, всё-таки не зря у меня то и дело возникают мысли о котах... Кто, если не они, постоянно слышит такие вопросы. Женский силуэт приблизился, оценивая возможности потенциального клиента.

— Ты откуда такой высокий?

— Из дорожной Зыби.

Она сразу всё поняла.

— О, давненько у нас частников не было. Всё артельские.

Глаза уже привыкали к темноте, и я различил густые тёмные локоны и чёрные томные глаза. Она несколько секунд что-то высматривала уже в моих глазах.

— Рыбка моя, ты потом в Город?

— Да, — коротко ответил я.

— Нужно будет письмо передать подруге в Зелёный Фонарь. Поможешь? — Она приблизилась ко мне, почти касаясь всем телом.

— Не вижу причин для отказа, — сказал я улыбувшись.

— Вот и договорились, — прошептала она на ухо и, обвив своими руками мои, потянула меня в пахнущую духами и благовониями комнату.

*

Прошло два часа, прежде чем я снова смог вернуться к своим мыслям. Всё-таки это мой знак удачи, или, если угодно, «суперсила»: за всю жизнь не помню ни одного случая, когда мне бы пришлось платить в борделе. С прекрасными служительницами Афродиты мы как по волшебству всегда находили общий язык без этих самых грязных порождений человечества — банкнот и монет. В ранние годы моей жизни — по смазливости, а теперь в связи с профессией.

Наверное, юнцы из Городских университетов сказали бы, что мы с этими очаровательными созданиями достигли коммунизма в отдельно взятых сферах человеческих взаимоотношений. Может, даже они и правы, и в будущем такой вид магического взаимопонимания проникнет и во все остальные области и виды деятельности?

Она провела кончиками пальцев по моей груди.

— И надолго ты тут, касатик?

Я вздохнул, вспомнив Мэри и странную ставку.

— После бала уеду.

— Фи, да разве это бал будет? Вот летом, когда много гостей и приходит знаменитый летний артельский караван...

Я повернулся к ней. Красивое и выразительное лицо, пышные чёрные кудри. Та южная красота, ради которой поэты мечтали доехать до Шираза, но обычно оседали уже где-то под Баку.

— А ты знаешь что-нибудь про Зорина?

— Кого?

— Главу Артели в вашем городе.

Она наморщила носик.

— У них там чехарда: то один в прошлом году был, потом какая-то женщина, сейчас, видимо, снова кто-то новый. Я никого из них так и не видела. Свой отдельный мир, а по балам, как ты, я не хожу, только на летний, когда пускают всех, — сказала она и мечтательно направила взгляд в потолок.

Она заговорщически снова посмотрела на меня:

— Артельские говорят, что переполюх у них в высшем руководстве из-за каких-то серьёзных перемен, которые вот-вот грянут в самом главном офисе.

— Что за перемены?

— Никто не знает. Точнее, постоянных изменений настолько много, что не понять, что с чем связано, по крайней мере для рядовых сотрудников.

Она приподнялась на локте и почти прошептала:

— Я боюсь, как бы они этим своим бардаком всё не загубили, на них же все дорожные связи держатся.

— И без них раньше обходились.

Она скептически взглянула на меня.

— Тебе-то чего, ты человек дороги, тебе они скорее конкуренты. А жизнь в городах стала лучше. Но думаю вот, ненадолго...

Я подумал и спросил:

— Но, может, ты ещё что-то знаешь?

Она загадочно улыбнулась:

— Ой, балую я тебя, сама не знаю почему. Но слушай. Один заезжий то ли ревизор, то ли кто-то ещё, проговорился одной из наших, что появился у Артели какой-то Оракул.

— Оракул?

— Зря уши развесил, больше ничего не знаю. Может, это так главу их теперь называют, которого никто никогда не видел, или они заполучили какой-то могущественный артефакт. Никто нам здесь, за сотни вёрст от Города, этого не объяснит.

Я понимающе задумчиво промычал.

Что ещё за Оракул? В последнее время во всех конторах действительно сплошные какие-то «модернизационные процессы». Ну да бог с ними, было бы прекрасно, если бы они наулучшали себя до полного и окончательного исчезновения.

Мы лежали в обнимку ещё около получаса, пока наконец я не решил собираться. Сквозь плотные шторы солнце теперь не пробивалось совсем, что означало, что на улице уже стемнело.

Мы тепло попрощались, я взял конверт, который нужно было передать в Зелёный Фонарь. На выходе я зачем-то остановился и спросил:

— А ты бы пошла со мной в Зыбь дороги?

Она сначала округлила глаза от неожиданности, а потом заливисто рассмеялась:

— Какой ты смешной. Или ты серьёзно?

Я взял себя в руки и слегка улыбнулся, давая понять, что несерьёзно, но ответ мне всё равно любопытен. Она, всё ещё смеясь, ответила:

— Мне вообще-то детей кормить. Зачем мне идти в эту твою жуткую Зыбь, если все гроши, что там зарабатывают артельские курьеры, они и так приносят мне. Письмо для Розы не потеряй, — сказала она и щёлкнула меня по носу. — Иди давай, романтик.

И, снова развеселившись, она закрыла за мной дверь.

Я скорым шагом пошёл по бульвару в свой гостевой дом, прошёл в комнату и открыл ларец.

— Ну сколько можно уже ревновать, скажи мне? Да с описанием в этот раз всё в порядке, и сцену страсти описывать не нужно — правильно, не хочу, чтобы кто-то подглядывал в такой момент, и так из-за мыслей об этом... Неважно, — говорил я вслух, расхаживая по комнате.

— Важно другое: давай соблюдать хотя бы временные рамки? Как может быть так, что я вошёл к ней раньше полудня, пробыл там «два часа», как ты выразилась, и пришёл в свою комнату уже в темноте? Записываешь? Что это за обрубленный день такой?

Я взглянул на массивные комнатные часы.

— Это разрушает доверие к твоему тексту. Зачем менять такие незначительные детали? Ты ведь даже девушку хорошо описала. Твоё дело — отзеркалить моё сознание и происходящее, а с тобой приходится ругаться. Ох...

Я сел на кровать и продолжил говорить сам с собой или с ручкой уже в мыслях.

В общем, любому понимающему читателю, знакомому с расписанием закатных часов в курортных зонах по осени, будет предельно ясно — я пробыл там как минимум пять часов. А если сказать по правде, и ты, не перевирая, это запишешь — наверное, все шесть с половиной. Не то чтобы мне это было так важно... я просто за прозрачность и честность.

Я выдохнул. И чего я так нервничаю? Из-за идиотской ставки, или из-за постоянного наблюдения ручки, которое... мешает. Или из-за Мэри? И что это за чувство, что кого-то она мне напоминает?

Зорин в тексте понравился мне ещё меньше, чем в жизни. Напыщенный индюк. Читая, я, конечно, придумал несколько остроумных реплик, которые мог бы вернуть во время разговора, но было уже поздно.

Мэри... Было в ней что-то красивое и тонкое. Но неужели Зорин прав и ей не останется ничего, кроме как сдаться? А может, ей просто дождаться смены начальства, директора же постоянно меняются? Надо непременно завтра с ней встретиться, но без Зорина.

Перебирая все эти мысли, я не заметил, как уснул.

*

Мутные воды сна перетекали, закручивались в водовороты и утекали сквозь сети сознания. Но вдруг что-то зацепилось: словно далёкая струна на бесконечном рифе божественного инструмента, прозвучал тихий девичий голос.

Расплывчатая комната, два человека за столом. Я не видел её лица — только тёмные волосы, падающие на бледную щёку, и руку на краю стола, белую, с тонкими пальцами. Она что-то говорила, я не разбирал слов, но интонация была ровная, без зла, и от этой ровности почему-то делалось тоскливо.

— ...сам ведь знаешь, что застреваешь, — донеслось вдруг ясно.

Что-то в этих словах было знакомое. Где-то я их уже слышал. Или ещё услышу.

Она поднялась, провела рукой по волосам, нажала что-то на стене, и всё пространство сна вспыхнуло ярким оранжевым светом.

*

Я проснулся с резким вдохом, кулаки сжали простыню, ноги были согнуты в неестественном положении. Перечитывать сон не хотелось — я был уверен, что ничего нового это не даст. Два чувства будто соединились: страх и тянущая тоска по чему-то. Это было больно, и хотелось выкинуть это всё из головы. Вдруг захотелось открыть ларец, разорвать дневник и сломать ручку. Я отстранился от этого порыва — что-то во мне противилось ему.

Я помотал головой. Нужно было пойти к Чалу. Станным образом своё существование чувствовалось неудобным, пока её не было рядом. В голове что-то мелькало, что хотелось только отогнать и убраться куда-то подальше.

По пути в конюшню, проходя мимо конторы, я встретил Мэри. Она считала сгружённые на улице ящики и записывала что-то в блокнот.

Кажется, она меня заметила, но не повернулась, чтобы поздороваться.

— Может, вам перевестись от этого негодяя в Город? — сказал я, приблизившись.

Она вздрогнула и обернулась. При свете дня, а не в полумраке холла, она была ещё более очаровательна, а её чёрные глаза на фарфорово-тонком лице приобрели греческие черты. Сначала она взглянула на меня как оленёнок на волка, но собралась и неожиданно подробно ответила:

— Вы, наверное, давно там не были? Найти там работу, тем более женщине, тем более не связанную со стиркой и готовкой... Увольте.

— В Артели, я слышал, сейчас кадровая чехарда, может, получится к кому-то перевестись?

Она пристально на меня посмотрела и с паузой ответила:

— Меня нанял лично Зорин, я ему обязана. Если его переведут, я буду вынуждена уехать с ним — в Артели, кроме него, я никому и даром не нужна.

Я не нашёлся что ответить. И решил спросить то, что меня интересовало с самого приезда:

— Как пройти к Красному источнику? Пока я здесь — хотел бы туда попасть.

— Легко. Если пройдёте до конца бульвара — увидите указатель и тропу. Только осторожнее, там местами острые камни. Да и сам источник уже на границе с Зыбью.

— Большое спасибо. Схожу туда после обеда.

Она вдруг легонько хлопнула себя по лбу, словно вспомнив что-то:

— Я забыла... он сегодня закрыт, на профилактику.

И я вдруг уловил в её позе и взгляде что-то такое, что дало мне решимости, и сказал:

— Может, тогда пройдемся по бульвару?

Я заметил, что она словно выдохнула, освобождаясь от работы и давая себе перерыв, и с облегчением ответила:

— Давайте.

Бульвар был правда очень приятен в эту погоду. Туристов было немного, и мы шли вольготно, почти ни с кем не сталкиваясь. По пути мы по совету Мэри наполнили две туристические фляги в городском источнике. Насчёт оздоровительного эффекта я сомневался, но жажду вода утоляла хорошо.

— Как вам бульвар? — спросила она.

— Очень приятно здесь гулять, — честно ответил я.

— На самом деле я очень рада, что снова оказалась здесь, в Каменном.

— Вы раньше здесь бывали?

— Да... — она замялась. — Моя мама привозила меня из Города сюда в детстве.

Её глаза увлажнились. Я промолчал — всегда было непонятно, что делать в таких случаях. Попытался протянуть руку, чтобы коснуться спины в знак поддержки, но тут же подумал, что это может быть воспринято неправильно, и убрал её.

Она сжала губы и спросила:

— Каково это — жить большую часть жизни в Зыби?

В горле запершило, я прокашлялся и сделал глоток минеральной воды.

— В целом так же, как и в оседлых местах. Только людей редко встречаешь. Да странности иногда происходят.

Она взглянула на меня с какой-то неожиданной надеждой.

— Может, и мне попробовать? Что мне терять — работу секретарём? Так называемую семью?

Я опешил. Совсем не думал, что она пошла со мной на прогулку ради этого разговора. Предательски промелькнула мысль, что, если она решит уехать, я выиграю этот дурацкий спор. Лишь бы отогнать её, я сказал:

— Не знаю... Не стоит. Это всё-таки слишком опасно. Особенно для женщин. — Сказав это на автомате, я понял, что стоит прикусить язык — чем я тогда лучше Зорина?

— То есть вы считаете, это работа не для женщин? — подхватила она именно ту опасную фразу, которую я хотел бы вернуть обратно и растворить в своём глупом горле, или в мозге, если считать, что каждому слову должна предшествовать мысль. Но то, что так необходимо было считать в моём случае, я сейчас уверен не был.

Мэри ждала ответ, и я попытался его зародить таким же экспромтом, как и весь разговор с моей стороны до этого.

— Я просто не видел ни разу...

Она меня перебила:

— То, что не видели, вовсе не означает, что невозможно. В Городе, в литейном цеху, в этом году лучшая литейщица — женщина. А ещё пару лет назад нам запрещали там работать...

— Да я вовсе не имею в виду, что женщина не может лить...

Пока я пытался защититься как мог, она вдруг остановилась, выдохнула, её лицо приобрело трогательные серьёзные нотки, над переносицей появилась милая морщинка, и она меня перебила:

— Ладно, что я право на вас набросилась. Кто мне сказал, что вы обязаны быть лучше, чем... остальные.

Чтобы не ухудшать своё и так шаткое положение, я промолчал. Мы пошли прогулочным шагом дальше.

Боковым зрением я заметил, что она всматривается в мой профиль, и наконец она спросила:

— А вы верите в прошлые жизни?

Я неожиданно для себя серьёзно ответил:

— Я и в эту не могу поверить по-настоящему.

Она странно повела плечом, и я заметил на её лице улыбку, которую не понял, как истолковать. Чтобы отогнать это неприятное ощущение, я спросил:

— Бал уже завтра. Вы будете там?

— Я обязана сопровождать директора на подобного рода мероприятиях, — обречённо ответила она. Её грустное белое личико в этот момент выглядело особенно изящно.

Мы уже развернулись и шли обратно к центру городка, когда странная смесь чувств возоблада над мной. Смешалось всё: и это ощущение узнавания, и романтическая очарованность, и желание прекратить грусть такого прекрасного существа, — и я сказал:

— Вы серьёзно... про Зыбь?

Она оживилась и снова посмотрела на меня с интересом. Оживление и энергичность давали её чертам особенную сладость и, казалось, ещё сильнее оттачивали их, но вдруг она нахмурилась:

— Надеюсь, вы не посчитали, что я готова пойти к вам в любовницы?

— Нет, ну что вы! — с нужной для такой ситуации долей возмущения в голосе ответил я.

— Мне нужен только тот, кто покажет, как начать, — сказала она. Вдруг кивнула каким-то своим мыслям и добавила: — Пойдёмте завтра перед балом на Красный источник. Он не близко, дорога непростая и, как я и сказала, на границе. Вы мне расскажете про Зыбь.

— Конечно. Мне всё равно будет жаль, если я до него так и не дойду, — сказал я, почему-то обрадовавшись тому доверию, что создаю. Юная девушка, идущая с тобой в поход, — это определённо про доверие. Но она, словно подслушав мои мысли, сказала:

— Я была на источнике только с экскурсией. А в компании человека, не боящегося Зыби, это было бы ещё интереснее. Только... имейте в виду, что жизнь научила меня всегда носить с собой небольшой кинжал. — Её глаза, только что бывшие словно у пугливого оленёнка, вдруг приняли черты не столько лисьи, сколько скорее даже волчьи.

Я шутливо поднял руки вверх и почтительно поклонился.

— Ну что вы, мой долг — не дать вас в обиду. К тому же мы будем рядом с Зыбью. А там уже действует кодекс человека дороги.

— Никогда о таком не слышала.

— Неудивительно. Артель его не соблюдает.

— Лучше выходить рано, — командным голосом сказала она. — Чтобы точно вернуться до темноты и бала. У источника есть отличное место для пикника, там и пообедаем.

Условившись о месте и времени, мы расстались: она энергично пошла к конторе, а я вернулся в номер. После вчерашнего ощущалась усталость, и до Чалу я решил не идти, учитывая, что завтра предстоял непростой поход на своих двоих. Я и не думал, что источник на самом деле так далеко.

*

Ручка словно почувствовала, что мне нужен отдых, и весь оставшийся вчерашний день я не замечал, что она пишет. Я прочёл вчерашнее перед сном, и несколько вещей меня насторожило. Но всё равно спал как убитый, без всяких снов. Спасибо тебе, что дала мне этот вечер и ночь.

Я уже чувствую, что ты пишешь, но теперь со свежими силами готов это принять. Да и было кое-что другое... появилось ощущение, что вернулась часть меня. Да, с ней некомфортно и больно, но без неё теряется что-то очень важное.

На более детальные размышления меня не хватает, я сам чувствую, что они обтекаемые и общие, и ничего не могу с собой поделаться. Скрывать мне от этого дневника нечего, и выдаю то, что есть.

Надо было спешить. Утро было свежее, солнца пока не было видно. Я надел своё пальто, под него простую тунику, которая, конечно, совершенно не подходит для бала, но которую местное высшее общество простит такому человеку дороги, как я, и на всякий случай сунул в карман кошель — на балах я не был давно и не помнил, чего там надо ожидать. Да и на настоящих свиданиях, если это, конечно, можно было назвать свиданием, тоже не был давненько. А судя по последним выходящим в свет романам — запросы у девушек растут словно грибы после дождя.

Я скептически посмотрел на пистолеты. Будет, конечно, неудобно нести даже один на себе, но граница Зыби есть граница Зыби. Ничего не случится в девяноста девяти случаях из ста, но ох уж этот сотый случай...

Бережёного Бог бережёт, — нескладно пробормотал я пословицу, взял один, наименее подверженный осечкам, и вышел на улицу.

Она стояла у начала тропы, одетая в тёмную куртку по столичной моде и чёрные плотные штаны, тем не менее соблазнительно облегающие её стройные ноги.

Дорога к источнику начиналась сразу в конце бульвара, рядом с огромным красным стилизованным указателем. Это была скорее тропа, выложенная камнем. Местами достаточно широкая, а иногда узкая и неухоженная. Было очевидно, что большинство посетителей курорта опасалось туда ходить и доезжало по объездной дороге в составе организованных Артелью групп.

Пока тропа позволяла, мы прогуливались и перебросились парой ничего не значащих фраз. Как только путь повёл нас вверх и стал уже, я пропустил Мэри вперёд из самых джентльменских соображений, но быстро понял, что у этих соображений есть и неочевидная выгода. Нет, фигурка всё-таки — что надо.

Около двадцати минут мы шли так молча, но разговор и не требовался — между нами что-то витало в воздухе. А может, мне так только казалось.

Её фигура излучала бодрость и силу, в её движениях сейчас не было той робости, что я замечал при Зорине.

На площадке мы остановились передохнуть и сделали по глотку воды из фляг.

— Ну как вам вид?

— Очень красиво, — не соврал я.

— Что самое опасное в Зыби? — спросила она.

— Иллюзии.

— Иллюзии? — Она вопросительно на меня посмотрела.

— Это когда в дороге видишь устойчивую галлюцинацию, навеваемую кем-то или чем-то.

— И вы научились их избегать?

— Научился проходить мимо и не давать им надежды на моё внимание, — сказал я. — По крайней мере надеюсь на это.

Она с интересом и чуть дольше, чем нужно, всматривалась в моё лицо. Я единомоментно ощущал внутри такой широкий диапазон чувств, что не завидовал ручке в сложностях их описания. Это была и всё та же застрявшая заноза узнавания — она отдавала где-то в селезёнке, но не несла никакой новой информации. И сердечное тепло от самой возможности, что кто-то может довериться мне, полюбить меня таким, какой есть. И сомнение по этому поводу, оседающее, кажется, где-то в кишках. И просто подъём всего физического и эмоционального фона от её присутствия рядом.

— Пойдёмте, времени мало, — вдруг сказала она.

И скорым шагом пошла вверх по тропе, с лёгкостью ангела перепрыгивая через большие острые камни, так что я едва за ней поспевал. Через пятнадцать минут я с трудом удерживал нужный темп шагов и дыхания, а она, всё такая же бледная и без следа усталости или даже

капельки пота на фарфоровом лбу, периодически оглядывалась на меня, смиряя победоносным взглядом.

Видимо, всё-таки припомнила мне вчерашние слова, — подумал я.

Когда мы дошли до второй обзорной точки, я не удержался, чтобы не облокотиться на деревянные перила над обрывом. Она подошла, взглянула на меня — в глазах не отдельные смеющиеся искры, а целые снопы, — и задорно сказала:

— Не упадите. Шатаются.

И она дёрнула перила — они действительно чуть не развалились.

Я под впечатлением от нахлынувшей усталости и силы своей спутницы не нашёлся что сказать. Но что-то пробормотал в ответ на её следующую фразу про действительно впечатляющий вид.

Долина, освещаемая тёплым солнцем, как и окружающие её горы, правда была великолепна. Казалось, можно даже было разглядеть границы Зыби, хотя это впечатление было обманчивым — чёткой границы вокруг оседлых районов у неё не было.

— Долина кажется такой простой, мирной, всегда с хорошей погодой, по-уютному домашней... — вдруг сказала Мэри. — Но вы не верьте. Она обманчива. Буквально неделю назад гремели грозы, а в прошлом году было землетрясение, от которого пострадало несколько домов. Знаете поговорку местных жителей? Долина хуже гор.

— Почему?

— Потому что горы ничего не обещают, — сказала она и посмотрела на меня насмешливо.

Может, Зорин ей уже что-то обещал? Или это она про меня? Вообще, стоит признать, тот образ, который я невольно успел сложить о ней, сейчас если не полностью разрушился, то как минимум трещал по швам. Я не очень понимал, что на уме у этой девушки, такой покорной на работе и пугающе уверенной сейчас. Я почувствовал острое желание перечитать впечатление об этом походе, когда вернусь в комнату. Если вернусь. Последняя мысль прозвучала издевательски, и по непонятной причине. Я ходил в самые глубины Зыби, а сейчас, в оседлой зоне, чего-то испугался?

— Пойдёмте. Время не ждёт. Если погода не изменится — устроим пикник у источника, — добавила она.

И мы снова пошли вверх. Сказать, что я устал держать взятый Мэри темп, — ничего не сказать. Пот лился уже ручьями, тяжёлый пистолет неприятно бил по бедру на каждый мой шаг. Ремень сумки со снастями для пикника резал плечо.

Мда, это тебе не на телеге ехать. Я вспомнил, как Чалу вытягивала нас из любой, даже самой разбитой дороги, поднимала телегу даже на самый крутой холм. Вот уж кому выносили восток не занимать.

— Вы прямо как моя Чалу, — решил крикнуть я вслед Мэри тронувшую меня нежную мысль. То ли чтобы выразить какую-то часть своих чувств, то ли чтобы она сжалась надо мной.

— Кто? — обернулась она и улыбнулась.

— Как моя лошадь, она...

Её лицо нахмурилось.

— Вы только что сравнили меня с лошастью?

— Я имею в виду...

Она бросила на меня испепеляющий взгляд и понеслась вперёд ещё быстрее.

— Пойдите, я люблю лошадей, спросите Чалу!.. — крикнул я вслед, но она пошла так быстро, что скрылась за холмом.

Чертыхаясь и проклиная всё на свете, я ускорил шаг. Следующая часть пути шла то вверх, то вниз. Я иногда видел, как она заходит за очередной пригорок или скалу. Несколько раз заме-

тил, что она ждёт меня и высматривает, прежде чем скрыться за очередной складкой местности. После этого я замедлил шаг и выдохнул.

Через какое-то время — я его не засекал, но по ощущениям весь путь занял часа три — мы наконец оказались у источника.

Непосредственно к нему самому тропа уходила уже совсем в скалы, хоть там и было что-то наподобие ступенек.

Перед тропой была лужайка, Мэри уже расстилала на ней свой плед. Я подошёл и с некоторой ненавистью сбросил сумку и пистолет — стало заметно легче. Я повалился на край пледа, Мэри присела на противоположный, то ли для соблюдения приличествующей даме дистанции, то ли из-за того, что после всего этого мероприятия по подъёму своего тела на нужную высоту над уровнем моря я был насквозь мокрый от пота. То ли ещё бог знает почему.

Первым заговорил я. Видимо, от усталости мысли переходили в слова прямым и простым способом, так что начал я с самого главного.

— Вы серьёзно? Про Зыбь.

Она поморщилась, и я снова не понял отчего.

— А какие у меня варианты? Зорин, как вы приехали, мне теперь проходу не даёт. Уж не знаю, с чем это связано. Домой я не вернусь — скорее руки на себя наложу.

Некстати мне показалась смешной фраза «наложить на себя руки», галлюцинирующее от нехватки кислорода сознание рисовало сюрреалистические картины. Но внешне я себя не выдал.

Она восприняла это молчание по-своему:

— Только не думайте, что я предлагаю вам путешествовать вдвоём, — сказала она, обидно для меня поморщившись. — Просто расскажите, что мне нужно на первое время, и я отправлюсь сама.

— Но это опасно. Может, всё-таки попытать счастья в Городе? Я могу вас отвезти.

— Там мне делать нечего. В Артель меня всё равно не возьмут.

— Но, может, есть какой-то способ?

Она задумалась, снова мило нахмутив носик.

— Я слышала, что если принести артефакт, то можно выбрать должность по своему усмотрению даже без связей.

— Какой-то особенный артефакт?

— Нет, любой предмет со свойствами. У нас на складе таких полно, я даже думала украсть один, но они все каталогизированы, и если принести в главный офис такой — не должность получишь, а будешь гнить в темнице до конца жизни.

Я задумался. Говорить о ручке не хотелось — артефакт стал мне уже дорог, да и это был подарок Епифана.

Мэри смотрела вдаль. Я молчал. Наконец она сказала:

— Давайте посмотрим на источник?

Забраться к нему было легче, чем казалось вначале — ступеньки, выдолбленные в скале, были широкими. Сам источник представлял собой чашу размером с кадку, в которой купают детей.

Я непроизвольно вздрогнул. Источник, несмотря на название, был вовсе не красным, а тёмно-оранжевым. Сама вода была прозрачна, но края каменной ванны были словно из застарелой ржавчины.

Заметив, что я вздрогнул, Мэри повернулась ко мне и настороженно спросила:

— Что с вами такое?

В голове помутнело. Я быстро отвёл взгляд от источника, но почувствовал, как заложило уши, а горло сдавило в панике. Голова и шея превратились в сплошной спазм, кое-как пробиваемый густыми толчками крови. Я нашёл в себе силы ответить:

— Всё в порядке.

— Точно? Вы белы словно снег.

Я сел на камень, отвернувшись от источника.

Я посмотрел в её обеспокоенные глаза, и что-то внутри шевельнулось. А ещё эта ставка... чёрт бы её побрал, и зачем я согласился, кто меня дёрнул. От переполнивших меня чувств я неожиданно для самого себя сказал:

— Поедьте в Город. В пути чего только не происходит, может найтись и артефакт?

Она помотала головой.

— Но Зорин... может, он образумится, и я...

Тут я окончательно не смог чего-то в себе сдержать.

— Вообще-то он сделал ставку, что овладеет вами за три дня.

Она, кажется, немного покраснела. В глазах мелькнула угроза.

— Как? Перед кем сделал ставку?

Я замолчал.

— Чего вы молчите? Перед вами сделал ставку, а вы ответили? Ох, не зря вы меня сегодня с лошадью сравнили... Такой же мерзавец, как и он!

Она вскочила и хотела было уже сбежать вниз. Я, не выдержав странного, наваливающегося стыда за себя, сказал:

— Постойте! У меня есть Авторучка!

Я услышал собственные слова и почти физически ощутил, как что-то оборвалось. Ручка. Чёрт. Зачем я это сказал. Она всё ещё записывала — я это чувствовал. Значит, она тоже слышала. Отыграть назад было невозможно — Мэри уже обернулась. Она пригвоздила меня горящими глазами.

— Авторучка?

— Артефакт. Записывает всё происходящее.

— Спасибо за доверие, — сказала она, сложив руки в издевательский благодарственный жест, и поспешила вниз, перескакивая со ступени на камень и снова на ступень, так легко, словно горная козочка.

Я не понял этого «спасибо». Но почему-то показалось, что я предал нечто важное. Попытки осознать происходящее просачивались сквозь пальцы, и так ни к чему и не привели. Я снова взглянул на источник, и меня начало мутить. Я словно начал проваливаться куда-то под лёд. Это было странное, но почему-то привычное состояние. И тут я услышал где-то внизу лошадиное ржание и скрип рессор, какой бывает только у городских пижонских карет.

Я бросился вниз, перепрыгивая по несколько ступеней сразу, и увидел, как Мэри садится в карету, которой управлял... Зорин. Она не только не сжалась и не сторбилась при виде его, как обычно, а с покровительственной лёгкостью приняла помощь и села на пассажирское сиденье; Зорин, чуть поклонившись, сел на место кучера, и они промчали мимо меня по экскурсионной дороге обратно в город. Проезжая, Мэри издевательски помахала мне из окна.

Я рванул к тропе — она шла почти напрямик, и если бежать очень быстро, я мог их опередить, но я уже понимал, что не смогу...

Подступало нечто. Подступало оно. Нет. Подступало ОНО.

Меня охватил ужас. Чем больше я хотел этого избежать, тем плотнее оно обхватывало меня изнутри. Каждое движение, словно движение рыбы, заглотившей крючок очень глубоко, только заставляло впиваться его ещё сильнее и рвать внутренности.

Но остановиться я тоже не мог. Гонимый инстинктом спасения, я старался вырваться, дёрнуться так сильно, чтоб выскочить, освободиться.

Почему? Как можно? Для чего? Почему это всё не может быть по-другому?

Я не могу это выносить, не могу так.

Оранжевое зарево напозало на меня, уничтожая всё, что видит, до чего доходит. От него невозможно было спастись, оно неизбежно надвигалось изнутри и снаружи, и справа, и слева, и сверху, и снизу. Что бы я ни представил — там было оно. В какое место я бы ни пришёл — оно там будет. Под какую тёмную тень я бы ни залез — оно достанет меня и там.

Какой бы ментальный или реальный конструкт я ни выстроил — оно его разрушит, превратит в пыль, уничтожит, сотрёт. Нет, даже не так. Оно низведёт его в ноль. Всё, что было важно. Всё, что было величественно. Словно немые аркебузиры, прогнавшие с полей сражений блистательную рыцарскую конницу со всей её личной честью и славой. Так проезжало оранжевое зарево по всему, до чего достанет, а доставало оно до всего. И более того, всё что возможно, даже самая мимолётная мысль хранила это зарево в себе. Словно я жил на вулкане, или даже сам был вулканом, и лава могла вытечь из любой каждой поры, потечь слезами из глаз.

В самый пик метаний разума я вспомнил о ручке. Ведь она пока пишет, значит, я есть, значит, я не пропал, меня не стёрли... Меня не уничтожило и не выжгло. Словно нить грёбаной новомодной лампы накаливания, я изжигался, но существовал. Изжигался и сгорал, ежесекундно создаваясь снова, каждый момент повторяя эту процедуру. Это невыносимо! Я больше не могу! Так только хуже! Выключи! Выключи!..

Внимание ручки уходило от меня, я это чувствовал. Я заметил, как проваливаюсь в спасительную тьму.

— Эво его как... — протянул Зорин.

— Что это такое, как думаешь? — медленно проговорила я. Мой голос эхом прозвучал у меня в голове.

— Может, в Зыби слишком много времени провёл? Или источник так повлиял?

— Я о таком не слышала.

И опять. Снова это эхо в голове. Чёрт... неужели?..

— Оракул не зря же сказал его туда привести, — ответил Зорин.

Его голос тоже звучал странно. Всё теперь словно имело какой-то привкус. Как будто в привычной кофейне подали кофе с чуть скисшим молоком — вкус почти тот же, и всё же что-то не так, а что — не ухватить.

— Сколько раз в день, ты говоришь, можно ларец открывать?

Я посмотрела на руку, поводила ей. Чёрная матовая бальная перчатка выше локтя приятно облегла кожу. В ощущениях словно была задержка, буквально на одно мгновение. Прохладный воздух щекотал открытые плечи.

— Вы хотите проверить — жив ли?

— Просто скажи сколько.

— Два раза в день максимум. Может, Неглядова послать, проверить? Валяющийся в округе труп нам тут не нужен.

Я поморщилась на этих словах.

— Подожди. Открывай.

— Но...

— Открывай давай! — сказала я.

Нет, Зорину артистизма, конечно, было не занимать, но в ответственные моменты он всегда смотрел на меня как сейчас — словно щенок, ожидающий команды. Это утомляет.

— Ну и какого чёрта?! — оцепенев в равной степени от ярости и неожиданности, крикнула я не то на Зорина, не то на сам ларец.

— Н-н-не знаю. Видимо, она теперь переключилась на вас. Как писал Оракул...

— Плевать на Оракула. Как это убрать? Может, просто вытащить и разорвать дневник, отправить только ручку?

Нет, нет, нет. Так дело не пойдёт. Артефакт, записывающий теперь все мои мысли, — отправить в офис я не могла.

— Предупреждали ни в коем случае этого не делать. Это опасно, почти как... — начал было Зорин, округлив глаза.

Так. Кажется, я нашла решение.

— Ларец же можно подарить? Дарю его тебе. Ты и отправляй в офис.

Ну что. Теперь должны записываться его жалкие мысли.

Я потянулась к крышке ларца.

— И почему не работает?

— Оракул говорил, не надо его так часто открывать, это...

Я выдохнула, чтобы не вмазать по его щенячьей морде. И потянулась, чтобы бросить ларец в камин. На его защиту неожиданно решительно, грудью, бросился Зорин:

— Стойте! Мы все погибнем! Вспомните Инцидент!

Я и сама уже понимала, что это не выход. И без его «помощи».

Он тем временем продолжал, уже спокойнее:

— Это явно из тех вещей «с печатью хозяина». Похоже, он, рассказав вам о ручке, доверил её вам. Но не мне.

— И оно до конца моих дней будет фиксировать мою жизнь?

Зорин пожал плечами.

Стоило признать, что за последние пять минут я к этой волшебной вещице и возможной награде от Артели по её поводу заметно охладела.

— Кому-нибудь расскажешь — лишишься всего. Понял?

— Конечно, — сказал он коротко, понимая, что любые заверения или клятвы будут работать против него.

Всё-таки очень смешное у него это щенячье выражение, когда он боится...

А у меня тем временем начал созреть план...

— Давай к Неглядову. Найдите его и ведите, несите или как угодно, но доставьте сюда.

Зорин заметно расслабился и снова приобрёл черты своей напускной мальчишеской наглости.

— Сделаю.

Он ушёл.

Распутя... Даже немного жаль. Он мил и был так трогательно честен. Но жизнь не прощает такой простоты. Артель ли, иная ли причина — рано или поздно сотрёт его в порошок. А мне не место с тем, кого можно стереть в порошок.

Так, если план удастся, он это прочитает. Читай, читай. Тебе полезно. Похоже, как ни крути, не найти мне мужчину ровню себе. Все слабаки. Буду пробиваться сама. А такие, как ты, пусть и дальше скрывают отсутствие дерзости, смелости и амбиций за якобы «тонким устройством души».

*

Сад был пуст. Откуда-то из глубины дома, через открытые окна, плыла музыка — оркестр уже настроился, и первые пары, должно быть, кружились в зале. В поместье собрался весь свет здешнего общества и приезжие гости. Бал начинался без меня. Что ж, подождёт.

Распутя стоял поникший и обессиленный, весь в грязи, в каких-то веточках, засохших хвойных иголках; на лице было несколько царапин, скорее всего от кустарника, росшего у тропы.

— Мы его и пальцем не тронули, — сказал Зорин на мой вопросительный взгляд. — Нашли в буераке, знатно он мордой проехался.

Зорин уже успел переодеться к балу — чёрный фрак сидел на нём безупречно, белая манишка, бабочка, в петлице свежая бутоньерка. Картинка, ничего не скажешь. Рядом с этим лоском Распутя в своём обвисшем грязном пальто смотрелся особенно жалко.

Более всего он напоминал сейчас действительно выключенную лампочку, но плохой контакт выключателя пропускал слабые импульсы электричества, и свет в ней всё-таки иногда подрагивал.

— Перегорел? — спросила я, чтобы его поддеть. Он не отреагировал. — Зорин, подай мне стакан воды.

Зорин послушно наполнил стакан из хрустального графина и подал мне. Распутя всё это время сопровождал его усталым взглядом исподлобья. Ага, так уже лучше.

— Дайте угадаю: вы уже знали про ручку, но нужно было, чтобы я про неё сказал вам сам? — неожиданно дерзко выступил он.

Я поморщилась.

— Зачем мне тебе всё рассказывать? Так делают только в плохих бульварных романах.

Я вспомнила о запищавшем детекторе и о том, как увидела Распуту впервые, и тут же отогнала эти мысли — ручка всё ещё записывала. Чтобы направить мысли в нужное мне русло, я перешла в нападение.

— Знаешь, дорогой, теперь я действительно поняла, как ты любишь свою лошадь. Никаких претензий к тебе больше на этот счёт. Ну а он, — я ткнула пальцем в сторону Зорина, — конечно, молодец. Хоть и переигрывал. За кое-какие слова ему ещё от меня достанется.

Зорин покраснел.

Распутя вдруг поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза.

— Зачем я вам? Вы же уже получили ручку, я больше не чувствую её.

Он помолчал.

— Точнее, чувствую сейчас, но очень слабо, видимо, она записывает вас, а через вас меня. Что вам всем от меня ещё нужно?

Раздражённо заговорил Зорин:

— Ой, вот не надо сейчас разыгрывать страдающую невинность. Никто тебя не бил. И ручку ты сам, можно сказать, отдал, и то, что с тобой случилось, к нам отношения не имеет — это какие-то твои припадки.

Я медленно поднесла палец к губам, и он затих. Я вспомнила про Оракула, как он сообщил, что делать и как выманить...

Так, стоп. Нападай. И я обратилась к Распуте, прищурив глаза от удовольствия:

— Давай начнём заново. Ты любишь Чалу. Арифметика проста. Если ты хочешь, чтобы она осталась жива, нужно сделать только одно: скажи о своей ручке Зорину так, как сказал тогда мне.

Зорин хотел было что-то сказать, но под моим взглядом остановился.

Распутя грустно улыбнулся. Несмотря на жалкий и грязный вид, что-то всё-таки притягивало в нём. Он стоял высокий, обессиленный, тёмно-серое пальто висело на нём грязной тряпкой, хотя ещё недавно, казалось, шло ему. Но в этой обессиленности, в этой «выключенности» — из себя, из мира, из меня — была какая-то тайная энергия. И я догадалась, что эта «выключенность» не сошла до безразличия, хотя бы по тому, как дёрнулся мускул на его лице, когда я говорила о Чалу. Тем не менее он ожидаемо хорохорился. Я знала, что он не сможет не хорохориться.

Собрав в своей улыбке всё самое дерзкое, что он нашёл в своих выгоревших чертогах разума, Распутя ответил:

— Ну а что, не нравится то, что у тебя в голове? Неприятно читать, да?

Теперь улыбнулась я, я уже знала, что ответить:

— А что, ты у нас благородная жертва коварной бестии?

Я смотрела ему прямо в глаза, его хорохорство успело мне надоесть.

— Знаешь, что меня правда раздражает? Не то, что ты пытался меня «спасти». Это смешно, по-доброму смешно. Раздражает то, что ты сам себе нравился в этой роли. У тебя на источнике было такое серьёзное страдание на лице. Такое внутреннее. Будто решаешь что-то значительное. Тащить ли её в Зыбь, оставить ли, изменит ли это её жизнь. Знаешь, на кого ты был похож? На четырнадцатилетнего мальчишку, решившего поиграть в благородство.

Я наклонила голову, рассматривая его. Он не отводил глаз, но взгляд уже поплыл, в нём уже не было остроты. А я ещё, как говорится, даже не начинала, главный ты наш герой...

— Самодовольный мужлан. Настолько самодовольный, что был уверен — я буду благодарна. Тебе не я нужна была, Распутя. Ты хотел пойти на источник со своим придуманным образом в голове. И ручка всё это записывала. Я полистала несколько страниц. С интересом. У тебя ведь ни одного сомнения не было в своей роли. Ни малейшего сомнения, Распутя! Это очень смешно. Ведь даже ручка тебе намекала. Спасатель девы в беде...

Я улыбнулась, помолчала, в надежде на ответ. Но он ничего не ответил.

— Думал, я тебя полюблю? Думал, я буду смотреть снизу вверх большими глазами и заикаться от волнения? Тебе ведь это нравилось, я видела. Знаешь, я могу и сейчас заикаться, если хочешь. Х-хочешь?

Он опустил взгляд. Я подождала. Он не поднимал глаз.

В этот момент в сад, смеясь, из дома выпорхнула пара гостей — мужчина в фраке и барышня в пышном бальном платье, явно искавшие уединения от духоты зала. Я обернулась и взглянула на них так, что смех оборвался на полуслове; они торопливо упорхнули обратно к дверям. Музыка из зала всё плыла, нелепо весёлая на фоне происходящего.

— А чего взгляд не поднимаем? Что-то задело? Зорин со своей ставкой — понятный, думал, безопасно потешиться за моей спиной, но он со своими полпуда наглости такой и есть, и этим даже удобен. А ты искренне думал, что хороший.

Он молчал. Он был похож на сломанный механизм, который раньше пытались починить, а теперь решили, что проще выкинуть.

— Ладно. Хватит играть. Неглядов, выведи Чалу.

Неглядов вывел Чалу из-за угла дома. В отличие от обмякшего Распуты она была напряжена, нервы её были натянуты до предела. Вскочи на неё Распутя — она бы тут же помчала его вдаль. Несмотря на то что это была обычная тяговая кляча, душа у неё была настоящей боевой лошади. Я посмотрела на лошадь, затем на Распуту и сказала, обращаясь к Неглядову:

— Раскали какой-нибудь железный прут, желателно добела.

Видно было, как Распутя сдался. Всё-таки я и правда умею читать людей, даже таких чудаковатых. Хотя это и неудивительно — я только что узнала о нём довольно много. Но я знала: не будь записей, я бы и так чувствовала, что делать. Конечно, он тут же поднял руку:

— Не надо. Зорин — ручка твоя.

По виду Зорина было ясно, что он совсем не может определиться: улыбаться ему или бледнеть.

В своё оправдание — я не собиралась мучить бедное животное. Но блеф должен быть хлестким и жестоким. Чёрт, надеюсь, ручка уже записывает Зорина.

Он достал ларец и поставил на садовый стол. Я попросила его отойти на всякий случай и приготовилась уже открывать, как тут...

Распутя, когда все взгляды были направлены уже на ларец, выхватил у Зорина пистолет.

— Не глупи, — сказала я, на всякий случай выставив перед собой руки. Бросила взгляд вниз, где спрятан кинжал.

Распутя жестом показал Неглядову отпустить поводья и отойти. Но как только тот отпустил их, Чалу с завидным проворством развернулась и смачно ударила его копытом в живот, так что его худошавая фигура согнулась пополам, и он захрипел.

Зорин дёрнулся было, но направленный пистолет остановил его. Распутя окинул взглядом Неглядова и сказал:

— Жить будет. Жилистый. Только к лошади я бы его больше ни за что не подпустил. Чалу просто так никогда никого не била.

Он быстро подошёл, не взглянув мне в глаза, схватил ларец, кинул его в какой-то холщовый мешок, вскочил на лошадь, послал её вперёд. Она легко перемахнула невысокий забор. Зорин бросился к другой лошади, но Распутя, выскочив верхом на улицу, разрядил с громким грохотом пистолет в воздух. Кони экипажей, собравшихся на бал, тут же взбрыкнули, дёрнулись кто куда, сцепившись и создав затор. Стало ясно, что Распутя в любом случае доберётся до Зыби первым. А искать его там ночью смельчаков не нашлось бы точно. Чёрт бы его побрал... Хотя я, думается, знала, куда он направится...

Я закрыл дверцу ларца. Обессиленный, я не находил нужных мыслей. Наконец они начали приходить все скопом, сталкиваясь в моей голове, словно в гостиной с прошением к хозяину, переминаясь с ноги на ногу, стараясь занять очередь получше, протиснуться вперёд.

Она права, она знает, куда я поеду. Другой дороги у меня не было. В Городе будет очень легко затеряться. Она права и в том, что меня не догонят.

Я подбросил пару веток в костёр своего импровизированного лагеря. Мокрые, они зацедили дымом, но вскоре огонь вспыхнул с новой силой.

Я свернул на старую контрабандистскую дорогу — про неё знали только такие фрилансеры, как я. Да и даже если меня будут искать на ней, она такая заросшая, что хруст веток от артельской телеги Чалу услышит за версту. Свою телегу мне пришлось бросить, благо ничего особо ценного там не осталось. Кошель был тоже при мне, ларец я положил теперь в импровизированную седельную сумку для Чалу. Я покосился на неё. Она встретила мой взгляд и тут же отвела, я тоже сразу повернулся к костру.

— Завтра иду пешком, — коротко сказал я. — Была неотложная ситуация, в которой ты приняла непосредственное участие, между прочим.

Она фыркнула — таким образом, что было понятно: она обижена, но всё понимает.

Тени расступились, и выглянули звёзды. Последние две ветки горели уже неярко. Чалу запереминалась с ноги на ногу — тоже чувала, что надо в путь, пока есть тусклый свет от звёзд и нет теней.

Я подошёл к ней, она отстранилась. Я положил руку ей на шею:

— Ты же понимаешь, фору создать надо. Чтоб не догнали.

Она презрительно фыркнула.

Чувствуя крайнюю моральную неловкость, переходящую в физический дискомфорт, я ухватился за шею и спину и попытался закинуть ногу. Она отстранилась.

— Прости. Прости ещё раз. Мне это тоже неприятно... Был бы я на порядок сильнее, а глаза зорче — понёс бы тебя сам.

Она с надеждой заглянула мне в глаза.

— Честное слово бы понёс, — продолжал я, наполняя свои слова искренней уверенностью. — Но сейчас, в темноте, ты же знаешь... Проткну ногу какой-нибудь колючкой, и тащить тебе меня до самого Города. Мы пока слишком близко к Броду, нас могут найти утром. Надо ещё часа два... максимум три потерпеть — а там и поспим на рассвете немного.

Она с хрипом выдохнула, отвела глаза и придвинула бок. Я одним резким движением подтянулся, закинул ногу и оказался верхом. Она чуть качнулась и пошла вперёд, выходя на дорогу и ускоряя шаг.

Мы молчали. Колени тёрлись о бока, я чувствовал, как ей некомфортно всё это. С какой ловкостью и изумительной силой она могла тянуть телегу даже через самую узкую тропу — и как неудобно было нам обоим то, что происходило сейчас.

С первыми рассветными лучами я неловко похлопал её по шее, она остановилась, и я чуть не упал, пытаясь слезть так, чтобы доставить ей наименьшее неудобство.

В первом свете я заметил дику яблоню и сорвал несколько свежих мелких яблок. Оставил их рядом с ней и, когда отвернулся раскладывать пальто для лежанки, услышал, как она ими захрустела. Я выдохнул. Контрабандистская дорога была полна ответвлений, так что никто здесь нас уже не найдёт, даже если будет очень стараться. Можно было прилечь и поспать пару часов перед дневным переходом.

— А масло всё течёт и течёт. И виновата тут вовсе не Аннушка — мы все в этом замешаны.

Я вздрогнул. Но, узнав голос Епифана, выдохнул.

Я не понял, что он сказал, но догадался, что это метафора откуда-то из художественного текста. Епифан их любил. А в литературе, как и в жизни, прекрасно действовало правило: молчи — за умного сойдёшь. Поэтому спрашивать я не стал.

Он показался из-за спины, и мы с Чалу недоверчиво на него посмотрели.

— Что-то какая-то неловкая у вас тут атмосфера, — сказал он, обвёл нас глазами, затем хитро прищурился и продолжил: — Ну и кому я говорил никогда не рассказывать о ручке?

Я виновато потупил взгляд и не знал, что ответить. Наконец сказал:

— И много ты знаешь?

— Достаточно, даже читать твои опусы не надо. И она всё ещё пишет — значит, почему-то продолжает тебе доверять.

— Она и Мэри записывала.

— Это по твоей воле, а не по её. А состояние как сейчас?

— Как у выжженного по весне поля. Безднадежность.

— На самом деле неплохое состояние.

— Почему?

— Потому что надежда — беспринципная сука. Она обещает, манит и оставляет ни с чем. Каждый человек, если он хочет по-настоящему быть человеком, должен сохранить в себе мечту, но убить надежду.

— Надежда — это отягощённая ожиданиями мечта, — я попробовал угадать его дальнейшую мысль.

Он взглянул на меня с неподдельным удивлением.

— Ну что, и на что ты ещё надеешься?

— Ни на что, — честно ответил я.

— Ой врёшь, — развеселился Епифан. — Тоже мне барон Мюнхгаузен.

Я вдруг разозлился:

— Да ни на что я не надеюсь!

— Может быть, теперь, — он выделил слово «теперь», — не надеешься на любовь, в этом вашем приматовском смысле, с «фыр-фыр» и бантиками. Но если бы совсем ни на что не надеялся — тебя бы здесь не было.

В этом была какая-то неуютная правда. Я попробовал понять, что он имеет в виду под «здесь», осмотрелся вокруг: лес был таким же, как и минуту назад. Но почему-то стало страшно. В цепочку мыслей ворвался беспощадный логический довод — если всё ещё боишься, значит, на что-то надеешься. Отрицать это было нельзя, как нельзя отрицать солнце, когда смотришь прямо на него. Значит, Епифан был прав. Я снова поднял голову, чтобы осмотреться ещё раз, и увидел, что он исчез. Видимо, решил мне не мешать.

— Ладно, Чалу, надежда ведёт нас в Город, — сказал я.

*

Через пару часов неглубокого и обрывистого сна мы пошли дальше. Я скормил Чалу оставшиеся мелкие яблоки. Одно попробовал съесть и сам, но всё-таки для человеческого нутра они были слишком кислые, почти горькие. Я ощупал карманы в надежде найти что-то съестное, завалявшееся. Но вяленое мясо и свежий капустный пирог, купленный в Броде, остались у меня в номере.

Даже самый зелёный последователь дороги знает: идти в Зыбь на полный желудок опасно. Ленивая дремота сморит тебя прямо в пути, и ты не уделяешь должного внимания опасному участку. Но на второй день без еды в животе что-то начинало слипаться в комок, а это тоже не помогает делу.

Я поправил пистолет на поясе. Дорога узкая, ветвистая, почти заброшенная. Уже несколько раз ветки оцарапали руки и лицо. Иногда я пропускал Чалу вперёд — её толстая шкура ломала острые ветки без труда, и мы шли дальше.

Наконец мы вышли на участок пошире и пошли рядом. Я держал руку на рукояти, высматривая впереди хоть малейшее движение. Больше всего я бы сейчас обрадовался огромному сытому зайцу. Заячье мясо на костре, пропитавшись дымом, особенно вкусное после долгой дороги. К тому же зайца в моей ситуации можно было забрать с собой целиком. Кабана или лося без телеги пришлось бы оставить почти полностью, прихватив только несколько сочных ломтей. Не было с собой только соли и перца, но горстка хвойных иголок, брошенных в костёр, сыграла бы роль специй.

Впрочем, ни зайца, ни кабана я так нигде и не увидел, так что о кулинарных экспериментах приходилось только мечтать.

Вокруг начала сжиматься плотная темнота. Вот так, Распутя, в мечтах о зайце ты и не заметил, как подошёл к Чёрной Зыби.

Соберись.

Чалу скосила на меня глаз. Я похлопал её по крупу, давая понять, что тоже чувствую и не замечтался окончательно.

Чёрная Зыбь, Тёмная Ночь, Расщелина — у неё было много названий. Обойти её здесь было нельзя, разворачиваться поздно, да и незачем. Будем идти вперёд.

Странно, что она здесь делает? Обычно Чёрная Зыбь возникает в самых глубинах, но до Города всего несколько дней пути. Раньше её здесь определённо не было и быть не могло.

Темнота сжималась всё плотнее. Её холодные прикосновения вплетались в одежду, затекали в ноздри. По спине пробежал мороз. Тёмное густое марево усиливалось, в нём начали появляться сгустки черноты, словно пепел в густом дыме от обширного пожара. Когда чёрные капли прилипали к коже, они щипали болезненными морозными ожогами. Я скатал рукава и обмотал нос импровизированным шарфом из рогожи. Ничего видно не было. Я крепко сжал поводья, Чалу шла вперёд осторожно, но скоро.

Чёрная Зыбь липла на одежду, от кисельного холода я больше не чувствовал кистей рук, Чалу заметно дрожала. Я сжал веки так, что сквозь ресницы едва что-то различал.

Сквозь чёрный воздух я пробирался как сквозь кисель, стараясь почти не дышать.

Соберись. Раз шаг, два шаг. Рано или поздно выберемся.

Идти было тяжело, но тёплый бок Чалу поддерживал в холодном комковатом киселе тёмной ночи. Но больше всего я боялся другого. И оно не заставило себя ждать.

— Останься.

Я вздрогнул. Тихий шёпот, безличный и холодный. Он всегда возникал прямо изнутри.

— Тебе некуда идти. Зачем?

Раз шаг. Два шаг.

— Ты просто продлеваешь страдания, Распутя.

От холода я перестал ощущать тёплый бок Чалу. Я сжал бесчувственную окоченевшую руку изо всех сил, в надежде, что в ней ещё есть поводья. Сквозь ресницы теперь видна была только тьма.

— Останься и обрети покой.

Три шаг. Четыре шаг.

— Тебе не нужно будет ничего больше чувствовать.

Я не отвечал.

— Боль уйдёт. Навсегда.

Пять...

— Просто оставайся.

Всё тело онемело, я его почти не чувствовал. Я вообще почти ничего больше не чувствовал. Внутри меня зрело что-то, что не хотело больше существовать.

Ведь мне правда не придётся больше ничего чувствовать. Никогда.

— Да. Просто останься здесь.

Тьма вокруг вдруг стала приятно тёплой, словно подогретой до температуры тела. И я действительно начал растворяться.

Заметив эту мысль, я почувствовал, как её записала ручка, выхватив тонкой золотой нитью. Я ощутил подвязанный сбоку ларец. Я вспомнил медитативную формулу, которую когда-то посоветовал мне Ма. Про себя я произнёс:

Это не моё

Я не это

Это не моё я

Я почувствовал руку на поводьях и тёплый бок Чалу, ладонь почти разжалась. Как можно сильнее я сжал её снова. Холод вернулся, но мы прошли. Воздух вокруг стал постепенно светлеть. Холодные чёрные комочки бессильно обжигали морозом, но вскоре воздух стал снова прозрачным, и я открыл лицо и вздохнул полной грудью.

Время близилось к закату, но мы прошли ещё час, чтобы разбить лагерь подальше от Чёрной Зыби. Поэтому костёр я разводил, когда закат уже разгорелся в полную силу.

Поляна не самая удачная — слишком открытая, но Чалу остановилась, да и у меня идти дальше уже не было сил. Последнее яблоко я скормил ей несколько часов назад, так что нам обоим пришлось удовлетвориться только водой из небольшого лесного ручья.

Огонь занялся не сразу, мокрые ветки долго чадили, пока не пробились первые жёлтые языки. Я осмотрел руки: несколько мелких царапин и пара следов обморожения — ничего, что не зажило бы до свадьбы.

Главный ты наш герой...

Читать записи не хотелось. Я знал: если открою дневник, то не смогу удержаться. Снова перечитаю те её слова.

Распутя, ты дурак. Это сейчас мог записать про себя и я сам.

Захотелось вернуться в Чёрную Зыбь и раствориться, не чувствовать. А ведь и правда, я же почти сдался, почти согласился. А может, и стоило бы?

Чалу легла рядом с костром. Она делала так редко — видимо, замёрзла. На шерсти росой блестели капли — остатки инея.

Я подсел к ней, погладил по морде. И сказал вслух:

— Всё-таки прав Епифан. Надежда беспринципная сука.

Я подкинул ветку в костёр и лёг. На небе сияли звёзды.

— И чем тогда надежда на небытие лучше?

Я взглянул на Чалу, она, как всегда, не ответила.

Глава 2. Город

В нескольких километрах от пригорода следовало сойти с контрабандистской тропы на основной тракт. Что мы и сделали. Оставалось немного. Чалу бодро шла рядом. Холодало, местами уже лежал снег.

— Ну что, хорошо, когда ничего и никого не надо тащить?

Она сделала вид, что не расслышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.